



Каттай  
КЕНШИНБАЕВ

**Судьба моя  
и вдохновение**



**СУДЬБА МОЯ  
И ВДОХНОВЕНЬЕ**

**К. Кеншинбаев**

## **СУДЬБА МОЯ И ВДОХНОВЕНЬЕ**

Издательство "Северный Казахстан" 2007. - 00 стр.

Это книга известного североказахстанца, Почетного гражданина г. Петропавловска К. Б. Кеншинбаева, в течение четверти века возглавлявшего трест "Сюжентинвод". Автор пишет "о времени и о себе". Здесь - биографические сведения, производственная и общественная деятельность самого ветерана и его соратников, размышления о судьбах современников и молодого поколения.

557380

## **БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА "ПРОВИНЦИЯ"**

Выпуск № 1

Главный редактор В.Г. Шестериков

Поставлен на учетную регистрацию в Министерстве информации Республики Казахстан. Свидетельство № 4783-Ж. Собственник: ТОО "Издательство "Северный Казахстан". Выходит один раз в месяц. Тираж 300 экземпляров. Номер отпечатан в типографии "Издательство "Северный Казахстан".

150001, г. Петропавловск, ул. Театральная, 42.

Перепечатки или частичное использование данной книги в тиражных изданиях не могут быть ни по инициативе без письменного разрешения автора.

© Кеншинбаев К. 2007

Говорят, что книгу может написать любой человек. Но только одну. И это будет книга о нем самом, его жизни, его делах. Прошло шесть лет со дня кончины замечательного человека Почетного гражданина города Петропавловска Каттай Бектасовича Кеншинбаева, долгие годы возглавлявшего трест «Союзцелинвод», и уже вышла книга воспоминаний о нем. Так странно сложились обстоятельства, что его вдова Раушан Жунусовна, вложившая много сил и средств в ее издание, не знала, что у ее дорогого супруга было собственное представление о пожизненном или посмертном издании, а рукопись эта все эти годы находилась у меня.

Вы спросите, почему же я молчала об этом? Честное слово, не знаю. Наверное, так было угодно судьбе, чтобы обязательно увидела свет та, первая книга воспоминаний сверстников, соратников, родных покойного.

Сегодня мы представляем вам, уважаемые земляки, то, что написал сам Каттай Бектасович. Автор писал ее для своих детей, внуков и для всех нас. «Вся жизнь - как один день! Пишу что помню: от детства до последних лет», - есть такие строчки в его воспоминаниях.

Вся жизнь - как один день... Каттай Бектасович прожил чуть больше семидесяти лет. Ему было что сказать нам. Он так любил жизнь и нас, знакомых и незнакомых ему людей, что не мог не оставить после себя этот добрый след - свою книгу воспоминаний.

Вслушаемся в последнее слово аксакала.

**Ак-Лайлек Жаукина, журналист.**

*Да! Мы называли его Каттаем Бектасовичем Кеншинбаевым, а он в первых же строках своей книги пишет: «Я - Каттай, сын Кеншинбая, внук Бектаса». Так и есть. Раннее сиротство путает имена, как будто хочет запутать код судьбы...*

**Мен Кеншинбай баласы Каттай, Бектастың немересі.  
Менің ауылым Қызыл-Ту.**

**Я- Каттай, сын Кеншинбая, внук Бектаса.  
МОЙ АУЛ КЫЗЫЛ-ТУ.**

Моим детям Леонелле, Саше,  
Данате, внукам Антону, Кириллу, будущим внукам  
и правнукам, а также моим племянникам и их де-  
тям посвящаю.

*Автор.*

Аул Кызыл-Ту был организован в период создания колхозов в 1929-1930 годах и находился на территории Бейнеткорского (позднее – Советского) района. В период организации колхозов районный центр находился в с. Улга (позднее – территория Ивановского совхоза), а затем райцентром стало село Молодово. В настоящее время этого села нет.

Наш аул относился к Сартомарскому сельскому совету, в который также входили аулы-колхозы Сартомар, Тенелдик, Жанатилек, Енбек. В период организации МТС перечисленные мной колхозы относились к Ивановской МТС с центром в селе Ивановке, расположенном в 25 километрах от аула Кызыл-Ту.

Что такое МТС? Это машинно-тракторная станция. Прежде колхозы не имели своей техники, то есть тракторов и комбайнов. Пахали, сеяли на лошадях и быках, а убирали при помощи «лобогреек»: сначала жали в валки, вручную копнили, свозили на гужевом транспорте в скирды и молотили на молотилках МК-1100. С организацией же МТС у колхозов появилась возможность арендовать трактора для пахоты и посевных работ, комбайны – для уборки хлеба. Техники было мало, поэтому долгое время большую часть работы колхозники выполняли на быках и лошадях.

## **... ВСЯ ЖИЗНЬ - КАК ОДИН ДЕНЬ!**

Пишу что помню: от детства до последних лет. Кое-что помню, начиная с пяти лет.

... Наш дом находился в середине аула, ближе всех

к колодцу, из которого весь аул брал питьевую воду. Дом наш, как и у большинства аульчан, был из земляных пластов. Такое жильё называлось шым-уй. Во дворе стоял шорам-уй, строение наподобие летней кухни, соединенное с жилым домом двором (по-казахски «қора»).

Маму мою звали Биbigайша, отца - Кеншинбай, дедушку - Бектас. Когда умер отец, мне не было еще года, а ему самому около семидесяти лет. У мамы, кроме меня, остались три дочери: Култай, Жамкетай и Кабиба. Между самой младшей сестрой и мною разница в возрасте была в четыре года.

Вот что осталось в моей памяти.

С детства мы всегда жили в шорам-уй и ели там же. Мне всегда запомнилась жареная пшеница (құырған бидай). Мне всегда казалось, что пшеница, которую ели сестры, хрустит как то по особому, поэтому им приходилось попеременно мне уступать свою еду. Я пробовал все три порции, но у меня их пшеница хрустела так же, как и моя, а потом уже досада свою.

Мать работала в конюшне, пасла овец. Овец пасли по очереди и мои сестры. Помню, овцы были большие. Меня сажали на них, и я катался.

Однажды меня оставили в шорам-уй спящим одного. Помню, ко мне ползут слепые котята. Я испугался и забрался на ножную швейную машинку «Зингер», долго плакал и уснул на ней. Пришли сестры, сняли меня с машинки. До сих пор не могу без содрогания смотреть на слепых котят, видимо, очень мне было страшно тогда...

И еще один случай. Мать моя была из рода *кожа*. В нашем ауле было всего три улицы: вдоль леса было дворов 15-20 рода *баба*, на нашей улице их сороди-



чей было дворов 6-7, а следующая улица - сплошь из представителей рода *караул*. И отдельно, в конце первой улицы, вдоль леса жили *кожа*, родственники моей мамы - Аугали, Мадияр, Шакир, Карим и Абдал.

Как-то в ауле был трагический случай. Повесился (или его повесили?) молодой человек, говорят, из-за любви к одной красивой девушке. В этом преступлении обвинили племянников моей матери Шакира и Карима. До райцентра подозреваемых не могли сразу увезти (далеко, километров семьдесят), и мама взяла своих родных на поруки, и они стали жить у нас. Этот случай запомнился мне очень хорошо. По тому времени (1935-1936 годы) это был мужественный поступок моей матери. Мама очень любила и уважала своих близких, а так как в нашем ауле представителей ее рода было мало, очень не хотела, чтобы их обижали. Кстати, впоследствии суд оправдал и Шакира, и Карима.

Однажды у нас зимой ночевали четыре-пять трактористов. Они ехали на гусеничном тракторе (как теперь помню, марки С-60). Трактористы были русские. Мама их пустила к нам в дом и накормила, чем могла.

Как я теперь понимаю, жизнь нашей семьи была не из легких. Мама – одна, с четырьмя детьми... Жили мы вдали даже от районного центра, в глуши. Это сейчас легко передвигаться, и 100 километров – не расстояние для автомашины, а в то время на лошадях да на быках добраться до райцентра было большой проблемой.

Нашей семье не от кого было ждать помощи. В те годы никто не знал, что такое пенсия или социальная

помощь от государства. Колхоз у нас был самый бедный, на трудодни колхозники не получали ничего.

Но как могли, поддерживали нас жившие рядом мои старшие братья по отцу Азимбай и Дайрабай. (Мама была второй женой отца и овдовела, когда ей не было еще сорока лет.)

В нашем ауле была начальная школа. Ее окончила моя сестра Жамкетай. А в 5-7 классах она училась в неполной средней школе в с. Ульга, в пятидесяти километрах от Кызыл-Ту. Там был интернат при школе. В то время 7 классов считалось большим образованием, и в жизни сестры это впоследствии имело большое значение: в годы войны Жамкетай работала в нашем колхозе учетчиком на молочно-товарной ферме (МТФ) и после войны всегда трудилась там, где нужны были грамотные люди.

Я в первый класс нашей Кызылтуской начальной школы пошел в первый раз с сестрой Кабибой в 1935 году, в неполных шесть лет. Походил две недели, и меня отправили домой, сказав, что рано мне еще учиться. По-настоящему я поступил в школу годом позже.

Да, уже в пожилом возрасте мне иногда снилась наша четырехклассная деревянная школа...

Перед тем, как я окончил эту школу, в жизни нашей семьи произошла трагедия. Мама вышла замуж, и в апреле 1937 года умерла в родах... Мальчик родился живой, но, прожив несколько месяцев, умер. Скорее всего, от неправильного кормления.

Сестра Кульгай в то время была уже замужем за человеком по имени Зиярчи (Гибри). И по плану матери надо было пойти в школу. Но в то время еще брат по отцу Дайрабай с сестрой Фатимой Шаймуратовой

нашей женге (старшей снохи) было Галия, но односельчане за славный характер прозвали ее Докей (богатырь).

Насколько был замечательным характер нашей еще Докей, мы осознали, только когда повзрослели и создали свои семьи. Как случилось, что она приняла в семью, в которой было своих трое детей, нас? В дом, хоть и деревянный, но всего из двух комнат? Практически там была только одна комната, а вторая была прихожей и кухней одновременно. Там же размещались и новорожденные ягнята и телята.

В то время всю еду готовили дома. И хлеб пекли на восемь человек.

Помню первый праздник в моей жизни, еще при жизни мамы.

Мать пригласила к нам домой женщин аула, близких родственниц, когда я поступил в начальную школу. А окончил я первый класс, когда ее уже не стало...

Похоронили маму в конце марта – начале апреля. Единственное, что помню: тепло, снег рыхлый, маму везут на санях. Помню, в каком углу кладбища ее могила. Это было в 1937 году.

Когда мама умирала, я этого еще не понимал. Играл на улице, сестра Кабиба привела меня за руку попрощаться с матерью. Конечно, не помню, что сказала мама, помню только, как она меня поцеловала.

Когда везли ее хоронить, меня посадили на край саней.

Памятник отцу, моим прадедам на родовом кладбище я поставил осенью 1993 года.

Во время освоения целины было перепахано мно-

го аульных кладбищ, находившихся в чистом поле. Наше родовое кладбище сохранилось, потому что оно находилось очень близко к лесу, было окопано вручную, и в этом рву росли березы. Это кладбище находится на перекрестке дорог от села Раевки на Полтавку и от села Ганькина в Лесхоз (Долгие рощи).

В нашей сиротской жизни до войны произошло еще одно трагическое событие.

В 1938 году по 58-й статье как враг народа был осужден наш самый старший брат Азимбай. И как впоследствии нам стало известно, он был расстрелян через 12 дней после ареста в Петропавловске.

Что о нем помню? Брат немного умел читать и писать по-арабски. А к тому времени казахские книги и газеты уже перевели на латинский алфавит, которого брат не знал, и поэтому просил меня, второклассника читать ему районную газету «Социалистический список» («Социалистический труд»).

Что знаю о брате из рассказов старших? Азимбай был очень активным, смелым человеком, имел горячий нрав. В колхоз не вступил. Работал лесником и жил в Кызыл-Ту.

Дома моих старших братьев соединялись общим двором. Когда Азимбай был жив, то помогал Дайрабаю в воспитании нас, малых сирот. А после его гибели Дайрабаю пришлось одному воспитывать, кормить и одевать уже три семьи – свою, нашу и семью расстрелянного брата. В современной жизни это трудно представить и в мыслях. Я это знаю из жизни нынешних поколений, которые брат брату, сестра сестре могут при встрече разве что сказать «здрсте» и ничего более.

В том году был небывало высокий урожай: по 45

центнеров зерновых с одного гектара. Люди в нашем колхозе зажили лучше, хоть что-то получили на свои трудодни. Неплохой урожай был и в следующем, 1939-м, году. Но в аулах полученные в те годы зерно, овес и ячмень не смогли сохранить надолго. В пользу пошло только то, что смогли продать. Получили деньги, оделись, кое-что купили для дома и домашнего хозяйства. А во многих русских селах, таких как Раевка, Полтавка, сельчане сумели сохранить то доброе зерно в сусеках и питались им в военные годы. (Сусеки – это специальные емкости для хранения зерна, сплетенные из тала и обмазанные с двух сторон глиной.)

В предвоенные годы люди жили небогато, но были добрыми, веселыми. Хочу об этом написать, сколько могу.

Наш аул-колхоз был небольшим, всего около шестидесяти дворов. Сеяли зерновые, содержали крупный рогатый скот и овец. За точность не ручаюсь, но думаю, что было 100-150 дойных коров, около сотни коней и примерно 300 овец. Зерновые сеяли более чем на 2000 гектарах. Всех земель наш колхоз имел около 10 тысяч гектаров. Вокруг аула в радиусе 2-2,5 километра землю вообще не пахали: там пасли колхозный и частный скот.

Все же до начала войны люди стали жить чуть-чуть в достатке, но не было злобы и тяги к наживе, что так часто наблюдается, к сожалению, сейчас. Ни один дом в ауле никогда не запирался на замок даже в военные годы. Чтобы в дом случайно не зашла скотина, двери подпирали палкой, а чаще всего лопатой или граблями – тем, что попадало под руку. Или же в засов засовывали палочку. Весь аульный скот пос-

не перерисей дойки располагался посреди аула у дымокурки. Коровы, овцы жевали свою жвачку, и это было хорошо слышно. Тут же кругом стояли лошади и быки с топорами, отмахиваясь от комаров...

(К слову, первые дверные замки в наших селах появились в период освоения целинных земель, потому что приютавали разные люди – и добрые, трудолюбивые, и нехорошие, с недобрыми намерениями. Как всегда и во всем: не бывает, чтобы все были или хорошими, или плохими.)

Еще о доброте людей довоенного времени. Особенно запомнился мне период сенокоса.

Сено косили конными сенокосилками, укладывали в валки конными же граблями, а из валков копнили валкогребателем, потом копны сволакивали в скирды и стога. Что сложить – стог или скирду – зависело от того, сколько сена давали поля. Мы, мальчишки 10-12 лет, были конегонями, то есть управляли верхом лошадьми на первой паре сенокосилок, на волокушах (по-казахски «сырма») и на волокушах-копновозах.

Для нас самым интересным было время, когда взрослые отдыхали или делали большой перерыв на обед. В это время они рассказывали сказки, были и небылицы, шутили между собой и подшучивали друг над другом – и над старшими, и над младшими, и над соседями. При двенадцатичасовом рабочем дне пища была самая скромная. В обед ели прямо на поле у стога сена то, что брали с собой в котомках. А были там обычно кусок хлеба и шарап (простокваша, разбавленная водой). Но среди людей не было уныния и зависти. Как-то все дышало радостью.

Но вернусь к начальной школе

Итак, во второй класс я пошел в 1937 году. Школа у нас была сосновая. На четыре класса – двое учительшей. Запомнился мне запах свежескрашенной муки и чистоты. Учился я на «отлично» и «хорошо»: за четыре года наградили 16 похвальными грамотами.

В нашей маленькой школе был даже буфет, в котором торговали конфетами поштучно и ржаными пряниками. Мне казалось, что вкуснее этих пряников на свете ничего нет! И еще я думал, что эти пряники растут на особых священных деревьях.

Как уже писал, моя старшая сестра Культай была замужем. Другая сестра, Жамкетай (мать Бахыта и Узбая), училась в селе Ульга в интернате. Когда я был первоклассником, самая младшая из сестер, Кабиба, училась в 3 классе. У меня не было обуви. В теплое время года я ходил в школу босиком. А зимой Кабиба носила меня в школу на себе, на спине. Школа была недалеко от нашего дома, поэтому на большой перемене я бегал домой попить кок сут (обезжиренное молоко после сепаратора).

Даже в те годы в школе была художественная самодеятельность: школьники ставили пьесы, а сельчане, все до единого, приходили смотреть наши постановки.

Мой брат Дайрабай грамоты не знал. Когда в колхозе создали группы ликбеза, взрослые ходили на них, учились читать и писать. Хорошо учились наша женге Докей и сестра Культай, а Дайрабай научился писать только «К» – начальную букву фамилии, и всю жизнь потом расписывался этой одной буквой.

Как я уже говорил, после гибели Азимбая на плечи моего второго брата легли заботы сразу о трех

семьях. Нас всех вместе было 11 душ, и Дайрабай не знал покоя ни днем, ни ночью, чтобы хоть как-то нас всех прокормить и одеть. Особенно было тяжело во время войны.

У Дайрабая до войны был конь по кличке Торыата. Конь был вынослив, хорошо скакал, и Торыата мобилизовали в армию. После этого брату пришлось завести пезавидного коня Сарытая, который был неказист, но потом часто спасал нашу большую семью от голода.

В начале войны мне было 12 лет, братишке Актаю — 10 лет. Мы пилили, кололи и складывали в так называемые «сазаны» дрова, а Дайрабай увозил их на верном Сарытае в русские деревни Подстанку, Рязьку, Пуцеметовку, чтобы обменять на картошку и зерноотходы. Эти отходы потом мололи на ручной мельнице и лепили из них лепешки, варили суп, если что можно было назвать супом. Так жили мы тогда.

Когда я стал взрослым, мне часто вспоминался пчелиный, муравьиный труд моего брата Дайрабая ради спасения большой семьи. Сколько лет мы с сестрами были на сто процентов нищие, ни от него, ни от нашей уважаемой жены Докей даже в самые тяжелые годы не услышали ни одного слова упрёка. Он меня ни разу и пальцем не задел и слова грубого не сказал.

А ведь тяжелых испытаний в его жизни и в жизни его семьи было очень много.

Особенно старания брата для семьи я оценил, когда создавал собственную семью с моей дорогой Зинаидой Александровной. Когда мы с ней поженились, у нас не было практически ничего. Нам, будто солдатам, пришлось начинать с кружки. Я тогда думал: надо трудиться и день, и ночь, как это делали



мой брат Дайрабай и аксакал Бейсембай, о котором я расскажу позже.

Но еще раз вернемся к далекому прошлому.

После окончания начальной школы надо было учиться дальше в неполной средней школе села Сартомар. (В настоящее время Сартомар более известен, как аул Магжана Жумабаева.)

В то время интерната там не было и надо было устраиваться у родных или знакомых. Родственники, хоть и дальние, считали неудобным брать плату за еду и проживание, да у брата и платить-то было нечем, ведь колхозники работали за трудодни.

За каждый день работы учетчики по разрядам начисляли трудодни с сотками. Передовой работник зарабатывал их по 200-250 в год. Пишу примерно, по памяти. Суть не в цифрах. Если колхоз был богатым, то на трудодни в конце года платили до 15-20 килограммов зерна (иногда даже до центнера) и до 10 рублей деньгами. А в нашем бедном колхозе – 200 граммов зерна и 1-2 копейки. Несмотря на это и на скудное питание, люди как-то жили, не было так много больных, как сейчас.

По тогдашним законам в 1935-1941 годы крестьяне не имели права резать собственный скот. Если и резали, то делали это с опаской. Скот реализовывался только через ярмарки, которые организовывала кооперация, по линии райпотребсоюза.

Колхоз наш славал государству вместо молока топленое масло. Для нас, мальчишек, был в том свой интерес. В хозяйстве собирали много сметаны, потом в один из дней недели из сметаны сбивали масло, а нам доставалась пахта, которой мы и лакомились. После того, как масло растапливали, нас опять

угощали, теперь уже пенкой. Это был для нас праздник!

## ПРИВЕДУ ЛЕГЕНДУ О СОТКАХ ОТ ТРУДОДНЯ

В мае 1937 года, в период посевной, в наш аул

В мае 1937 года, в период посевной, в наш аул приехала группа артистов во главе со знаменитой Куляш Байсеитовой. Выступали они на полевом стане «Қырық кудық» («Сорок колодцев») и там обратили внимание на человека огромного роста, стоящего в тени маленького трактора «Универсал». Это был мужчина Жар. Артистка обратилась к нему:

Атай, сіз неге ұйықтап жатырсыз жұмыстың қызу кезінде?

Аңа жауаптың

Қарам, жатсам да бір сотық, тұрсам да - бір сотық

«Она спросила: почему, мол, спите в разгар работы?» Жар ответил: «Хоть спи, хоть работай — результат от них больше одной сотки не заплатят».)

Это был период обесцененного труда и уравниловки.

Артисты и акыны тотчас сочинили песню про нашего дядю Жара и спели ее в своем концерте тут же на полевом стане.

## ОБ УВАЖЕНИИ К СТАРШИМ

У нас в ауле было принято так. Если любой старший человек даст задание младшему, то тот обязан выполнить его как можно быстрее. Например, стар-

ший мог попросить, чтобы малый сбежал и пригласил кого-то из односельчан. Если ты шел вразвалку, а не бегом, то взрослый имел право сделать тебе замечание, назвать «жалкау» (ленивый). Могли поручить что-нибудь отнести-принести в пределах деревни, запрячь, распрячь или напоить коня. Это считалось вполне нормальным явлением. Неисполнение осуждалось, говорили: «Из этого лодыря поряточного человека не получится». Мне очень часто приходилось выполнять просьбы старших, и я старался сделать все быстро и четко.

По казахскому обычаю, женщина не имела права переходить дорогу мужчине. Этот обычай исполнялся очень четко и соблюдался во многих селах. А нынче в городах наших, того и гляди, молодежь не только дорогу не уступит, но еще и толкнет ненароком. Конечно, в городе не переждешь, пока все мужчины перейдут дорогу, однако желательно, чтобы молодые уступали дорогу, место в общественном транспорте пожилым, старшим людям.

## **КАК ПРОВОДИЛИ АУЛЬЧАНЕ ДО ВОЙНЫ СВОЙ ДОСУГ**

После голода 1929-1930 годов наконец наступили другие времена, и люди стали хоть чуть-чуть по-лучше жить и питаться. И свой досуг проводили по старым национальным обычаям.

Большими праздниками считались Наурыз, большой и малый айт, а также свадьбы. В предвоенные годы было много женихов, а невест не хватало, но свадьбы-то были! На праздники собиралось очень много людей. Старики вели долгие мирные беседы

о жизни, о событиях в своем и соседних аулах, а молодежь затевала игры, связанные в основном с песнями. На этих вечерах пели не только молодые, но и люди постарше. Иногда очень красиво, задушевно пели бабушки.

В те годы у нас в ауле не употребляли вино и водку. Если была возможность, пили кумыс. На свадьбах и просто в гостях в те годы роскоши не было, столы накрывались очень скромно.

## ОБ АЛКОГОЛЕ

В предвоенные годы употребление алкоголя, согласно мусульманской вере, считалось большим грехом. В нашем ауле говорили: помните, мол, в позапрошлом году Косбай пьяный шел по улице? Пьяный человек был большой редкостью. Впервые в наших аулах мужчины стали употреблять алкоголь после войны: фронтовики пили открыто и помногу.

Но настоящее пьянство пришло с началом освоения целины. Тогда приехало очень много народу, появились хорошие заработки и началась всеобщая пьянка. Что самое страшное — начали пить женщины — в том числе и пожилые. Это стало плохой традицией. Если гостю хозяин не поставит бутылку, тот уйдет с обидой. Хозяину было простительно не угостить бесармаком, но не угостить водкой — непростительно! Иногда две соседки могли распить бутылку, чего раньше никогда не бывало. Появились алкоголики — мужчины и женщины. Так было положено начало рождению в наших местах больных детей и уродов. Вместе с «цивилизацией» пришло уродство.

Но снова вернусь к началу. В 1940 году в родном ауле с похвальной грамотой за отличные знания по

...ем предметам я окончил начальную школу и по-  
...и учиться дальше: брат Дайрабай решил, что надо  
...и учиться дальше, отвез в Сартомар и устроил на  
...квартиру к родственнику по линии матери по имс-  
...ни Мади (отец Калижана). Через полгода пересел-  
...и к другому родственнику, Хасену (отцу Кадыра).  
...иных было своих трое детей, я стал четвертым.

Оплата за проживание в обоих случаях была оди-  
...наковой: по мешку муки за первое и второе полуго-  
...ния. Я не могу обижаться на плохие условия жизни  
...на квартире у родственников: время было такое. По-  
...шесть человек жили в одной комнате. Спал я на од-  
...ном тряпье, другим укрывался. Почему-то все годы  
...жизни до женитьбы мне было все равно, что я ел,  
...что не ел, в чем был одет или чего не хватало в одеж-  
...де. Пока не женился в 24 года, ни разу в жизни ник-  
...то меня не спрашивал, ел я или нет, хочу ли я ку-  
...шать, и это для меня было привычно. Поэтому, когда  
...к нам в дом приходит человек, я в первую очередь  
...ставлю на плиту чайник и стараюсь хотя бы сначала  
...на напоить чаем и накормить тем, что есть дома.  
...Вообще, это считается обычаем казахского народа,  
...но для меня это совсем другое – память о голодном  
...детстве...

Итак, с десятилетнего возраста началась моя жизнь  
...в людях. Первый раз в жизни я выехал из родного  
...аула в Сартомар, который был от Кызыл-Ту всего в  
...двенадцати километрах.

Первый год учебы там особых впечатлений не  
...оставил. В следующем году брат Дайрабай устроил  
...меня на квартиру к старику Бейсембаю, в семье ко-  
...торого было трое: он сам, жена и дочка. Бейсембай  
...был хозяином строгим и рачительным. В колхозе он

не работал. В хозяйстве у старика были хорошая сильная кобыла, корова, 4-5 овец и коз. У этого человека я научился, как содержать в чистоте и порядке двор, учился аккуратности. Хозяйственный инвентарь — лопаты деревянные, металлические, штыковые, совковые, метлы, топор, пилы — все имело свое место в хозяйстве старика. Особенно строго он следил за чистотой двора. Я как раз этим и занимался в свободное от учебы время. Важно было вовремя утром убрать навоз, положить подстилку и корм, напоить кобылу. Все это надо было делать в срок и очень аккуратно. Особое внимание уделялось заготовке дров на зиму. Дрова для печи складывались отдельно, а для приготовления пищи — отдельно. Зимой очень много времени уходило на уборку снега перед домом.

Как часто вспоминают старожилы, в те годы снега выпало очень много. Иногда бураны заносили дом по самую крышу. Хозяин учил убирать снег после каждого бурана «кирничками»: я делал штыковой лопатой квадратные «кирнички» размером примерно 50х50 см и откидывал их подальше от крыльца. Надо было очистить «коридор» перед воротами, чтобы можно было заезжать во двор с упряжкой, и еще почистить вдоль дома и двора с парадной стороны на 10-15 метров. Часто уборка снега зависела от силы бурана, который нередко шился по нескольку дней.

Чистота и порядок были у моего хозяина и внутри дома. Мне была предоставлена полная возможность готовить уроки, и я всегда занимался за столом, конечно, за низким круглым. Хозяин всегда с интересом наблюдал, как я занимаюсь.

Весной, в апреле, как помню, мы, дети, вылазили

на крышу двора и читали книги: там было тепло от весеннего солнца.

Питался я так же, как и хозяева: что ели они, то и я. Время было – самый канун войны. Мы ничего не знали и не понимали в политике. Радио у нас не было. После ареста брата Азимбая уже никто не просил меня читать даже районную газету.

А люди стали жить чуть-чуть лучше, и появилась новая красивая одежда: у женщин – шали, у мужчин – красивые шапки. На селе считались самыми зажиточными учителя, получавшие зарплату деньгами, и работники сельсовета. У сельских жителей признавалось высшим достижением учепости и обеспеченности – стать учителем. Все родители мечтали, чтобы их сын или дочь выучились на учителя. Вспоминаю, что, когда два военных года не учился и работал в колхозе, мой брат не столько упрекал, сколько удивлялся, почему мы, имея шестиклассное образование, не можем написать самое простое заявление или справку. Да, это было так, в школе этому не учили. Хотя многие после 6-7 класса учились потом на бригадира колхоза или на счетовода, что тоже считалось большим, высокооплачиваемым начальством.

Когда началась Великая Отечественная война, об учебе не приходилось и думать: жить негде, оплачивать проживание и питание нечем. Из нашего маленького аула с начала войны на фронт ушли около 90 человек. Из каждого дома уходили по два брата, или сыновья с отцами... Мой брат Дайрабай не был призван по возрасту, а Азимбай погиб еще до войны. На фронте были мужья моих сестер Зикрия и Даулетши. Когда Зикрия уходил на фронт, у него оставался сын Нурмагамбет, трех или четырех лет. Всю

войну и после войны, до 1947 года, моя сестра Кухляй одна растила сына и содержала дом.

## О МОЕМ ЖЕЗДЕ ЗИКРИЕ (ТИКИ)

Жезде был талантливым мастером. До войны он ежегодно осваивал в среднем по одной специальности. В те годы большим дефицитом в стране была обувь.

На весь аул был один слабешкий сапожник, так вот Зикрия быстро освоил специальность сапожника. Для того, чтобы шить сапоги, надо иметь колодки, и их он сделал сам. Хотя для этого надо как минимум быть неплохим плотником или столяром, но наш Тики владел и этими ремеслами. Гвозди для подметок и нитки (тарамыс) он тоже делал сам. Для изготовления тарамыса сушил сухожилия овец и крупного рогатого скота, потом раздирал на тонкие нити, которые затем скручивал, чтобы получилась нить крепкая и долговечная. Наш Зикрия выполнял заказы на изготовление телег, саней, кошевок. А для этого нужно было умение кузнеца, но он был и прекрасным кузнецом: все детали из железа изготавливал в кузнице сам. Особенно большую сложность представляло стягивание обода колеса, а Зикрия и с этим отлично справлялся. Для колхоза и для односельчан Тики делал подковы и подковывал ими всех лошадей, и гвозди для подков были сего собственного производства. Он умел делать все: хомут, дугу, шлею, чресседельник, узду, вожжи, седло. Сам же готовил и сыромять для них.

В те годы из-за дефицита жести не хватало обык-



повенных ведер, так Зикрия мог сделать их из любого куска жести, переделывал в меньшие по размеру старые емкости. Из проволоки изготавливал гвозди и скобы любых размеров.

Зикрия был прекрасным охотником. Вокруг нашего аула много лесов, в которых до целины водилось много коз, лосей, зайцев, лис, волков. Жезде Тики ловил зайцев на петлю, изредка – на капканы, брал коз с ружья, своими хитроумными приспособлениями ловил косачей, куропаток... Его охота давала семье дополнительную пищу. Он сам обрабатывал шкуры лис и волков, из которых затем шили шубы.

Напомню, что в предвоенные годы крестьяне не имели права резать свой скот, а реализовывали его на ярмарках в обмен на ткани, одежду, обувь, домашнюю утварь и хозяйственный инвентарь. Шкуры, овечью шерсть сдавали заготовителям и получали за это кожу для пошива обуви, шкуры для шуб и тулупов. В семье жезде Тики все хозяйственные проблемы он решал сам, а моя сестра вела хозяйство.

А в семье другого нашего жезде, Даулетши Жаманова, наоборот: всем руководила моя сестра Жаманбетай. И в семье Кабибы и жезде Айдархана (родителей Макпузы, Маркена, Амангельды и Сагындыка) все домашние дела вела и сумела дать образование всем своим детям моя сестра.

Наши зятья очень дружили между собой.

Вспоминаю, как жезде Даулетши на своей рыжей кобыле приезжал в гости из с. Молотова (бывшего райцентра Советского района), за шестьдесят километров в Кызыл-Ту к жезде Зикрис и говорил: «О жезде, как я соскучился по вас!». Причем он называл свояков так же, как и все мы: жезде.

С собой привозил детей, чаще Бауржана и Уызбая,

останавливался у Зикрии, потом шел приветствовать Дайрабая. Он гостил неделями. Приходили в гости соседи. Они подолгу беседовали, пели песни. Жезде Даулетши очень хорошо пел в молодости. Помню, как приезжали к нам в гости и Кабиба с Айдарханом.

... 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Мы, дети, всюду слышали плач односельчан. За два-три месяца аул опустел. Остались старики, женщины и дети.

Заготовкой сена для колхоза и нужд личного подворья занимались немногие оставшиеся мужчины, и все уже задумывались о том, как будем теперь убирать урожай. Сартомарская МТС выделяла колхозу для уборки зерновых 1-2 комбайна «Коммунар», убиравшие прямым комбайнированием всего гектаров триста. Остальной хлеб приходилось убирать и молотить самим колхозникам.

А технология была такая. Жали хлеб «лобогрейками». Основной работник скошенный и уложенный на площадку жатки хлеб сгребал вилами и сбрасывал в валки. Он должен был работать быстро и четко сбрасывать в валки. Труд этот был чрезвычайно тяжелым, поистине адским: лоб, глаза заливал пот, и не было возможности даже стереть его со лба, чтобы он не заливал глаз, поэтому и прозвали такую жатку «лобогрейкой». Жатку тянула пара быков, а впереди нее шла пара лошадей, которыми управляли мы, пацаны. Нашей задачей было следить, чтобы животные тянули груз равномерно, и «лобогрейка» не делала огрехов, за что могли серьезно наказать. А другой человек сидел на передке жатки и регулировал с помощью специальной рукоятки высоту косо-

вицы. Всего в колхозе таких «лобогреек» было более десятка.

И вот осень первого года войны. Мы, мальчишки, сели на лошадей и быков, запряженных в жатки. Работали с рассвета до глубокой ночи. Утром бригады нас будили на полевых станах буквально пинками по мягкому месту. На завтрак нам давали хлеб, чай, на обед – суп и чай, и на ужин то же самое. Хлеб, уложенный «лобогрейками» в валки, взрослые складывали в копны, которые затем на бричках с «крыльями» свозили в стога. Потом всю зиму эти стога молотили комбайнами, превращавшимися таким образом в молотилки.

И там был адский труд, особенно для работника, принимавшего со скирды массу от десятка человек и подававшего ее в приемник. Если ты работаешь в открытом поле зимой, весь в поту, а после работы идешь домой несколько километров, то каким будет твое здоровье в старости? Я это знаю по своей сестре Культай. Она прожила 82 года и умерла 19 ноября 1999 года. После проклятой войны, когда она все время работала той самой подавальщицей в молотилку, она прожила еще больше полувека с подорванным в молодости тяжелым трудом здоровьем. Пока был жив муж-фронтовик (он умер в 1964 году), сестре было легче. Он был главным добытчиком в семье, а сестра вела домашнее хозяйство. После смерти мужа Культай пришлось одной воспитывать Мургазы и Сергазы, которым тогда было лет 15 и 14. Она вырастила сыновей, женила их и потом воспитывала внуков и правнуков.

Женщинам ее возраста, ее поколения во время войны приходилось работать почти круглосуточно

и при этом продовольственных пайков таких, какие выдавали в городах заводским рабочим, сельчане не получали. Утром, с рассвета, доили коров, готовили пищу для семьи и шли в поле пахать и сеять. Иногда пахать приходилось на своей корове, которая была единственной кормилицей семьи. И только поздно вечером, после заката солнца, женщины возвращались домой, когда голодные дети уже спали. А ночью опять надо было работать: смолоть на ручной мельнице муку (если было что молоть), полить, хоть и поздно, корову, и только после этого можно было лечь спать, чтобы через два-три часа снова встать. И так крутилось колесо жизни наших женщин все четыре года войны.

К концу войны на них уже не осталось никакой одежды — одни лохмотья: платье или юбка из мешковины сплошь в заплатках.

Я думаю, есть ли где памятник женщинам, которые в те годы пахали, сеяли, убирали урожай, кормили и доили скот, а все плоды своего тяжелого труда отправляли на фронт?

В начале войны Дайрабай привез меня на лесную поляну, километрах в двух от нашего аула, и, дав в руки литовку, показал, как надо косить и как затачивать косу. (Этот опыт мне пригодился спустя много лет, когда я уже имел свою семью и работал на МТС. Вдвоем с женой мы успевали заготовить сено на зиму для своей коровы Пестрянки.)

Той же осенью первого года войны мы участвовали в уборке урожая. Зерновые косили до первого снега, работая от зари до глубокой ночи.

Зимой 1941-1942 годов я работал помощником по уходу за овцами у дедушки Жамали. Братья Жамали

и Камали были нашими дальними родственниками. Деду было 75 лет, мне -12. За нами было закреплено более 150 овец. Мы должны были их три раза в день кормить, поить и убирать за ними.

Всем, чем могла, меня и свою маленькую дочку кормила сестра Жамкстай. Иногда мы даже ели мясо. Колхозники не имели права резать даже погибшую скотину. Павших животных увозили куда положено, но люди привозили ее обратно, варили и ели. Вот откуда и было у нас мясо, как я узнал позже.

В ту зиму наш колхоз остался без председателя. Молодые мужчины ушли на фронт, а старого председателя «съел», как тогда говорили, председатель сельсовета: запугал тюрьмой и тем, что отберет партию, и выжил с должности. Председателя колхоза звали Кабдош Оразымбстов. Кабдош, бывший кузнец из колхоза «Дайындык», назначенный председателем еще в 1938 году, после ареста моего брата Ашимбая жил со своей семьей в его доме.

Председатель был человеком скромным и очень спокойным, земляков не обижал. Умел читать, но не умел писать. И вот как-то чем-то не угодил председателю сельсовета, имевшему в то время большую власть. Чтобы наказать Кабдоша, в первую военную осень пригласили в колхоз агронома МТС, посчитали потери зерна на одном квадратном метре, умножили это на всю зерновую площадь колхоза... И бедный Оразымбстов вынужден был бежать из колхоза, оставив жену и двух дочерей.

Эту историю он рассказал мне сам, когда в 1960 году я, будучи инструктором обкома партии, посетил его в родном ауле. Мы тогда проговорили всю

ночь. Кабдош рассказал о том, как его спас Жумабек Ташенов, впоследствии ставший Председателем Совета Министров Казахской ССР.

А вот какой была моя встреча с Жумабеском Ташеновым.

... 1943 год, тяжелые бои под Сталинградом, - один их самых тяжелых периодов Великой Отечественной войны.

На зимних каникулах я пришел домой из Сартомарского интерната, в котором в ту пору учился. Несмотря на тяжелое для страны время, правительства СССР и нашей республики нашли возможность создать интернаты при школах, чтобы могли продолжать учебу круглые сироты вроде меня и, конечно, дети, чьи отцы погибли на фронте.

Я пришел в свой аул, а когда надо было возвращаться в школу, начался сильный буран. В нормальную погоду дойти из аула в аул пешком не было проблемой, а тут такой буран - ничего кругом не видно. И я пошел домой к председателю колхоза, а там оказался Ж. Ташенов, который после проведенного в Кызыл-Ту собрания собирался ехать в Сартомар. Председатель колхоза попросил Ташенова взять с собой ученика-попутчика, и тот согласился. Поговорил со мной о моей учебе и сказал, что надо учиться всегда, как бы это ни было тяжело. Кошевка была двухместная, спутники положили меня под козлы и укрыли, чтобы не замерз.

Интересно, что в 1959 году, когда я вернулся в аул после двенадцатилетней разлуки с малой родиной, многие пожилые казахи спрашивали, мол, не сын ли я или брат Жумабека Ташенова. Я всегда отвечал на этот вопрос отрицательно.

В 1944 году я окончил семь классов Сартотмарской средней школы и, даже учитывая вынужденный перерыв в учебе, все равно получил похвальную грамоту.

В седьмом классе математику преподавала Разия Садуакасова. Она так обучила меня своему предмету, что я опережал одноклассников почти на целую учебную четверть. Когда они занимались одной темой, я брал задачник и решал все задачи подряд. Если мне что-то было непонятно, я молча смотрел на учительницу. Она подходила ко мне и в течение одной минуты объясняла непопятую мной задачу. Знание математики мне пригодилось потом в 8-10 классах и очень выручило при поступлении в институт.

Как я продолжил учебу после седьмого класса?

В то время мы в селе знали только две профессии, пригодные, как мы думали, к жизни: учитель и счетовод (бухгалтер) колхоза. На селе учитель был единственным образованным, культурным и материально обеспеченным человеком, а счетовод колхоза — только материально обеспеченным.

Надо было ехать учиться в педагогическое училище в Петропавловск. А почему не учились на медицина или по другим специальностям? Потому что на таджикском языке можно было учиться только в педучилище. Нам, не знающим русского языка, да еще из такой глубинки, обучение по другим специальностям было просто недоступно.

Наш земляк Зейниш Кудайбергенов, работавший в то время сскрестарем Бейшеткорского райкома комсомола, во время приезда в аул сказал мне: «Будешь учиться в педучилище». И забрал мои документы с собой.

И вот в начале сентября я отправился пешком в райцентр Смирново. Земляка-секретаря дома не оказалось, и пришлось провести в ожидании целый месяц: он все время был в командировках по селам района. Я встретился с ним только 12 октября. Он сказал: «Поезжай в Кокчетавское педучилище, там директором работает мой сокурсник». И опять уехал в командировку.

А как же мне ехать в Кокчетав, если я вижу поезд первый раз в жизни?!

Супруга моего земляка Сапура-тате помогла мне достать пропуск для приобретения билета и дала 30 рублей, ведь денег у меня не было совсем. В общем, купил я билет, а поезд уходил глубокой ночью. Я ходил около вокзала, билет лежал в кармане. На мне были пиджак и брюки без подклада, перешитые из спецодежды железнодорожника, и мне было холодно. Пришли к вокзалу местные хулиганы, кинули мне в лицо горсть песка... Потерев глаза, я забежал в деревянное здание вокзала, там увидел моряка, у которого были забинтованы рука, все лицо и оставлены только шелки для глаз. Я сел поближе к нему, чтобы никто меня не тронул. Моряк спросил, куда еду. Я объяснил, что еду в Кокчетав, учиться.

Когда он покупал билет на поезд, который шел на Бертыс, я тоже подошел и взял билет до Кокчетава. Мне дали 7 рублей сдачи.

Поезд прибыл на станцию ночью. Было темно. Я зашел на вокзал, сел в уголок и заснул. Железнодорожный вокзал в Кокчетаве тоже был деревянным, маленьким, не больше Смирновского.

Когда я проснулся, уже была предраассветная пора. Посидел еще немного, пока окончательно не рассве-



но. Вышел на улицу, спросил, как пройти в город, и направился в указанном направлении. В те годы расстояние между городом и вокзалом было километра два-три. Прошел я примерно половину пути, а Кокчетав все не видно, одна только сопка на виду.

Пляжу, идет человек среднего возраста, очень похожий на казаха, гонит корову на пастбище. Спросил его по-казахски, далеко ли до города, точнее, до педучилища. Он заговорил на непонятном языке. Я испугался и побежал обратно на вокзал. Посидел там, подумал, что все равно надо идти в город, вышел на какую-то теперь уж дорогу. Встретил молодого казаха, спросил дорогу до педучилища. Парень попросил немного подождать, пока он отгонит корову в стадо. Мол, пойдем вместе, я тоже учусь в педучилище, на втором курсе.

Он вернулся, и мы пошли в город. Спутник стал спрашивать, откуда я приехал и почему поступаю в Кокчетав, а не в Петропавловске.

А дело было в том, что Кокчетав только в 1944 году стал областным центром, а до этого был райцентром, а потому престижнее было учиться в Петропавловске. Тем более что там был учительский институт. Я объяснил парню, что сюда меня направил земляк который учился вместе с директором педучилища Коспановым и передал для него записку. И тут мой попутчик говорит, что Коспанов – его родной брат, они живут вместе. Сейчас он зайдет домой за briefcase, а заодно передаст брату привезенную мной записку.

Братья Коспановы на улице Карла Маркса, за два квартала от педучилища. Мой новый знакомый вывел меня дома и передал слова брата: надо сдать доку-

менты в учебную часть и приступать к занятиям. И мы пошли в училище — одноэтажное здание на этой же улице, напротив городского парка. Сдали документы. Мне велели идти в класс и начать заниматься. Была уже середина октября, а занятия начались 1 сентября.

Во время занятий студенты начали интересоваться, откуда я и почему приехал из такого далека, стали давать советы. Сказали, что я не смогу учиться. Во-первых, слишком мал ростом. Во-вторых, здесь не кормят, не одевают, а только платят стипендию 15 рублей в месяц и дают продовольственную карточку. И посоветовали пойти в казахскую среднюю школу-интернат для круглых сирот, где выдают одежду и кормят три раза в день. Спрашиваю, как туда попасть. Сейчас, сказали, закончатся занятия, пойдешь с нами, только заведи документы.

Пошел я с ними в интернат и сдал свои бумаги в учебную часть.

Это сейчас везде требуют очень много документов, а тогда приняли мое свидетельство, грамоту, спросили, сирота ли, и отправили учиться. Я зашел в указанный класс. Учитель Иван Иванович Бурцев вел в это время занятия по казахскому языку. Он хорошо владел казахским. Учитель велел мне достать тетрадь и записывать задание, а у меня не было ни тетради, ни карандаша. Тут поднялась с места одна ученица и подала мне тетрадь и карандаш. Позже я узнал, что эта девочка была сестрой Разии-тате, моей учительницы из Сартомара.

Девочку звали Нагима Мукаева. Она от имени своих родителей пригласила меня к себе домой. Оказа-

юсь, что ее отец Мукай-ага дружил когда-то с моим погибшим братом Азимбаем. Кроме того, раньше они жили по соседству с сестрой Жамкетай и ее мужем Даулетни в селе Молотове.

(Я, конечно, не рискнул самостоятельно искать адрес Мукаевых в чужом городе.)

После занятий меня проводили к коменданту общежития.

Построенное из сосны, общежитие располагалось буквой «Г» напротив школы. В нем были две большие комнаты и одна маленькая, в которой жила семья коменданта. Одна из больших комнат предназначалась для мальчиков, другая – для девочек. Мест было мало, поэтому приходилось спать по двое. Мне определили место рядом с Саттаром Сейтказиным, ставшим впоследствии известным поэтом и писателем.

Время близилось к вечеру, а ел я последний раз только вчера в обед. Один парень по имени Кабдрахман спросил: «Ты сегодня ел?». Я ответил: «Нет». Тогда он спросил, есть ли у меня продовольственная карточка. А я думаю: что это за карточка такая? Ответил, что никакой карточки нет. Деньги были – семь рублей, оставшиеся от покупки билета. Кабдрахман предложил мне сто граммов хлеба, дал из своей карточки талон на суп и проводил в столовую. Так я первый раз за сутки наконец поел.

Однажды вечером в наше общежитие пришел высокий красивый офицер КГБ. Это был Уалихан-ага. Все его звали *бана* (буквально – «дядя»). Я тоже долгие годы звал его так. Знакомство с семьей этого человека потом повлияло на мое будущее.

## ОБ ЭТОЙ СЕМЬЕ

Глава семьи Мукай Сарсембаев по тому времени был очень грамотным человеком, работал заместителем председателя райпотребсоюза. Скромный, трудолюбивый, Мукай-ага с большим уважением относился ко всем людям, независимо от возраста. Уалихан был старшим его сыном, моя одноклассница Нагима - дочерью от первой жены. Когда я познакомился с этой семьей, у них был еще пятилетний Сеилхан, а в 1945 году родился Марат - это дети от второго брака Мукай-ага.

Сарсембаевы снимали небольшой шлакоблочный дом под плоской крышей, с одной большой комнатой и маленькой прихожей. Несмотря на то, что они впятером жили в одной комнате, в течение трех лет, пока я учился в интернате, они обязательно приглашали меня в субботу после занятий, а уходил я от них только в воскресенье вечером. Кроме меня, у них бывали гости, родственники из их родной Северо-Казахстанской области. Были они родом из села Тенелдык Сартомарского сельского совета. Добрые люди, они приютили еще одного человека - огромного роста пожилого трудармейца из Кызылординской области, работавшего на военном заводе. И все это происходило во время войны, когда люди жили только на свои продовольственные карточки.

В субботние и воскресные дни мы с Сеилханом убрали навоз из-под коровы, ходили за водой, заготавливали дрова. Эти два дня мальчик не отставал от меня ни на шаг, и когда настала пора воз-

рашаться в общежитие, всегда было море слез: мамин не хотел меня отпускать.

Спустя годы, став студентом, я приезжал к этим дорогим людям на летние каникулы. Они жили уже в трехкомнатной квартире.

В первые школьные каникулы в Кокчетаве я работал переводчиком в газете «Кокшетау правдасы», переводил статьи с казахского языка на русский и с русского на казахский, а на следующий год уже принимал вступительные экзамены по математике в Щипинский техникум.

Позже, уже учась в институте, в преддипломном 1951 году я устроился на Кокчетавский механический завод на два месяца конструктором по проектированию технологической оснастки для циферблатных весов для нового приборостроительного завода. Специалистов не хватало, конструкторами работали в основном женщины, многие из которых уходили в декретные отпуска. После войны осваивали гражданскую продукцию, не останавливая производства, а технологические приспособления, которые я конструировал, оказались очень нужны производственным цехам.

Однажды в отдел пришел начальник участка цеха. В отделе никого, кроме меня, не было. Он подошел ко мне, посмотрел чертежи, спросил, где учусь. Как я понял, он был неплохим производственником, в чертежах разбирался, правда, сам чертить не мог. Во-первых, не умел, а во-вторых, чертежи подписывались конструктором, начальником отдела с резолюцией главного технолога, поэтому он попросил меня срочно вычертить одно простое приспособление. Я выполнил его просьбу, а необходимые подписи со-

брал он сам. Этот человек подсказал мне, как, выполняя одну и ту же работу, можно законным образом заработать больше денег. Например: по договору за один лист чертежа приспособления в сборе завод платил 60 рублей, а за чертежи детализировки — по 30 рублей. На одном листе можно разместить 3-4 или 5-10 деталей, в зависимости от масштаба. Работа выполнялась одна и та же: вычертить деталь, поставить размеры, указать верхние и нижние допуски, заполнить паспорт с указанием всех необходимых данных.

Завод работал в две смены. Мне нужно было заработать, поэтому я приходил к 8 часам утра (по разрешению главного инженера, ведь заводоуправление и все инженерно-технические работники трудились в одну смену), на обед ходил домой, потом снова возвращался на завод и работал до 20 часов. Начальники цехов со своими срочными заказами стали приходить ко мне, и мне приходилось быстро переходить от одного заказа к другому.

Начальник отдела и главный инженер одобряли такую работу и оплатили мой труд сполна, так что на пятом курсе, купив себе костюм и рубашку по росту, я стал наконец «нормальным» студентом.

Но позвольте мне снова вернуться к детдомовским годам.

Мы, воспитанники интерната, учились в общегородской школе вместе с местными ребятами, были очень дружны с ними, не делились на «городских» и «детдомовских».

В интернате жили дети из дальних и ближних сел, у некоторых были родственники, которые могли приезжать к ним. Среди нас были не только си-

...но и дети инвалидов войны. В общем, у одних была возможность получать из дому продукты (в основном масло, творог), у других такой возможности не было, и поэтому все делились по-братски между собой. А если кто не хотел делиться, тому старшие ребята устраивали «ночную операцию»: реквизировали продукты и подкармливали ими младших. Кстати, скандалов по этому поводу никогда не было.

В день нам выдавали по 400 граммов хлеба. Чтобы дети не теряли свои хлебные карточки, получала продукты комендант и по утрам раздавала нам. Старшие делили на всех, расставляли порции, а потом называли по очереди фамилии, а кто-то из них в этот момент держал палец на одном из кусков. Суть этой тележки была в том, чтобы справедливо решить, кому достанется горбушка. Хлеб мы, кстати, получали добротный, как домашний.

В столовую, которая располагалась во дворе школы, ходили три раза в день тоже по карточкам. В первые годы нам давали только чай, картофельные или морковные котлеты, иногда – кашу. Почти всегда хотелось кушать, но все же мы не голодали.

Однажды зимой нас переселили в освободившийся длинный барак в стороне гор, и мы начали там замерзать. Старшие ребята вечерами и почками искали дрова, ломали заборы, потом топили печи и заодно пекли мороженую картошку, найденную в погребе. В комнатах было очень холодно. Но в обкоме нашелся человек, который узнал о бедах детдомовцев, побывал в бараке, и нас снова переселили в наше доброе теплое общежитие.

Об учебе. В связи с тем, что я опоздал на учебу на целых полтора месяца, я все время усиленно занимался, чтобы преодолеть отставание. Первую учебную четверть закончил ударником и получил премию туалетное мыло, две новых тетради и ручку!

А в стране еще шла война. Не хватало продуктов питания, одежды, топлива, лекарств, учебников, писчей бумаги, чернил, карандашей, ручек... Школьники писали сажей на полях и между строк старых книг, но при всей этой нужде старались учиться хорошо.

В нашем классе было 12 учеников, из которых семеро - мальчишки. Классный руководитель Кошкарбаев вел математику и настолько хорошо, что шесть учеников в классе знали его предмет на «отлично».

В 1947 году мы, лучшие математики класса, решили поступать на горно-геологический факультет КазГУ. Все действительно этого очень хотели, но жизнь распорядилась по-другому. Четверо — Уап Рахимжанов, Октябрь Бухарбаев, Кабдеш Альмусаев и девушка, фамилию которой я теперь забыл, - поехали в Алма-Ату, но поступили не на горно - геологический, а на факультет журналистики. На журфаке уже учились выпускники нашей школы 1946 года, они и уговорили одного из ребят учиться там, а поступили все четверо. Как обычно бывает у одноклассников: куда один, туда и все. Все они, кстати, успешно окончили этот университет. Уап, Кабдеш и Октябрь работали потом в газете «Кокшетау правдасы». Впоследствии У. Рахимжанов стал редактором краевой газеты в Актюбинске, а затем редактором Северо-Казахстанской областной газеты «Ленин туы», где работал до последних дней своей жизни. Уап пользо-



...и самым большим авторитетом среди коллег и во всей  
...и. Октябрь Бухарбаев до пенсии работал там  
...и начал свою трудовую жизнь. Кабдеш Аль-  
...трудился в обкоме, горкоме партии, советс-  
...органах.

Из землячка Нагима Мусасва, отлично владевшая  
...ким языком, хорошо знавшая русскую литерату-  
...и историю, успешно окончила исторический фа-  
...лет Петропавловского учительского института.

Но вот еще о жизни в интернате. Мы ежегодно в  
...собном хозяйстве сажали картофель, а осенью его  
...брали. Ездили и на заготовку дров. Заготавлива-  
...рова в основном росли ребята, а те, кто по-  
...шьше ростом, пилили и кололи привезенное ими.

Школа располагалась рядом с озером Копа. Летом,  
...же на большой перемене, мы бегали туда купать-  
...и. В те годы промышленность в Кокчетаве еще не  
...шла развита, поэтому озеро сохранялось в перво-  
...данном виде, с песчаными берегами и дном, с иде-  
...льно чистой водой. Войдя в воду с головой, мож-  
...но было увидеть пальцы своих ног, разглядеть на  
...ше хоть копеечную монету. Было очень много рыбы  
...и раков. Кокчставцы зимой и летом ловили рыбу, и  
...свежей рыбки, хоть и не очень крупной, всегда было  
...мно на базаре. Крупная же рыба ловилась на озе-  
...рах Чаглы, Тенгиз и других.

Копа была единственным источником питьевой  
...воды для горожан, ходивших на озеро с флягами и  
...ведрами. Воду развозили на телегах и санях в боч-  
...ках и продавали за определенную плату.

Там были водозабор и насосная станция для  
...заправки водой паровозов железнодорожной стан-  
...ции.

После войны Кокчетав стал расти как областной

центр. Началось строительство промышленного предприятий, многоэтажного благоустроенного жилья, вследствие чего значительно увеличился водоотбор с озера и Копа стала мслеть.

К 1967 году была построена плотина на реке Чаплинке, которая подпитывала озеро Копа, и это послужило началом гибели прекрасного озера. Плотина была протяженностью сорок километров и очень небольшой глубины. В отдельные жаркие годы воды стало испаряться больше, чем ее уходило на городские нужды. Так началось обмеление озера и его экологическое загрязнение.

Очень много усилий по восстановлению озера Копа, сохранению его чистоты приложил в свою бытность первым секретарем Кокчетавского обкома партии Ержан Нуржанович Ауельбеков, однако значительного эффекта добиться не удалось. Главное, что нужно было сделать: прекратить водоотбор для городских нужд и ликвидировать неудачно построенное выше города водохранилище. В 70-80-е годы область добивалась в Правительстве СССР и Казахской ССР проектирования и строительства Кокчетавского промышленного водопровода с водозабором из Сергеевского водохранилища, для полного обеспечения питьевой водой растущего города Кокчетава, Боровской и Щучинской курортных зон, восстановления уникального озера Щучье. Промводопровод был построен, прошел испытания и дал воду городу в полном объеме, но вскоре из-за финансовых трудностей городские власти отказались от его услуг, и Кокчетав сегодня питается «грязной» водой.

# ПУ А ТЕПЕРЬ РАССКАЖУ О ТОМ, КАК Я ПОСТУПАЛ В ИНСТИТУТ

В нашем выпускном классе восемь ребят были из города, трое - из детдома, поэтому родители наших городских одноклассников на свои средства организовали выпускной вечер для всех нас.

На этом вечере в качестве моего опекуна был приглашен-ага Мукаев, тем более что вместе со мной в школу заканчивала его сестра Нагима. Церемонии, как и сами выпускники, тогда были очень скромными (В свои 18 лет я в тот вечер впервые узнал вкус шоколада: нам дали по 50 граммов.)

Для поступления в институт, кроме аттестата об окончании, нужен другой очень важный документ — свидетельство о рождении, которого у меня не было. И поехал я искать свидетельство или его копию домой, в Северный Казахстан.

В областном архиве сказали, что о моем рождении нет никаких документов, и нужно ехать в район. До Смирнова я, конечно, добрался без билета, в товарном вагоне. Но и в районном архиве, и в отделе милиции мне велели отправляться дальше - в сельсовет по месту рождения.

Так, в тридцатипятиградусную июльскую жару я пешком подался из Смирнова в свой родной Кызыл-Ту, а затем в Сартомар. Летние дни длинные, и я за 10-12 часов дошел до Кызыл-Ту.

А жара, пить хочется! Пил дождевую воду около деревьев в солончаках и ту, что оставалась в следах от

копыт паспешегося скота. Грязная вода сверху затягивалась пленкой, я сдувал ее и пил воду.

Часам к одиннадцати вечера пришел наконец домой. Жамиля, вдова моего старшего брата Азимбая, поставила самовар, и я выпил чашек 10-15 хорошего домашнего чаю с лепешкой и уснул. Утром встал здоровым: не болели ни ноги, которые прошли за день 60 километров, ни желудок, которому досталось так много застоявшейся дождевой воды.

И я теперь знаю, почему. Ходить пешком для меня было привычным занятием, ведь за годы учебы в Кокчетаве я дважды в год доезжал на товарных поездах до Смирнова, а потом шел пешком до Кызыл-Ту. Это было обычно 1 января и 1 мая. А желудок не болел, потому что это была все же дождевая вода, а экология в то время была чистой. На полях еще не применяли ядохимикатов и химических удобрений, еще не было Байконура, Семипалатинского полигона, еще не капал с неба яд на людей и землю.

Итак, я пришел в сельский совет просить свидетельство о рождении. А мне отвечают, что у них ничего нет, все документы в архивах Смирнова и Петропавловска. Был я тогда наивным, как все, и пошел по второму кругу в районный и областной архивы. Нигде ничего мне не дали: не было записей о том, где и когда я родился! Мне ничего не оставалось, как снова вернуться в Кокчетав.

Стоял уже конец июля. Вернувшись, я узнал, что все мои ребята давно уехали в Алма-Ату. Тогда все северяне могли добраться до столицы только поездом, следовавшим по маршруту Бергыс-Караганда-Акмола-Кокчетав-Петропавловск-Омск-Новосибирск-Барнаул-Семипалатинск, и только потом уже

Уста-Ата. Впоследствии, когда я учился в Барнауле, мне пришлось ездить по этому маршруту пять лет. А тогда... Общежитие интерната для выпускников было практически закрыто, мы могли только попроситься переночевать. Мне ничего не оставалось делать, как снова обратиться за помощью к Устахану-ага.

Узнав о моем безвыходном положении, ведь время поступления в вузы было на исходе, Уалихан-ага поговорил с городским отделением, чтобы мне помогли получить необходимый документ. Милиция направила в больницу на врачебную комиссию, и на основании этой справки я получил в Кокчетавском свидетельстве о рождении.

Теперь передо мной стояла проблема: куда ехать учиться? Опять же Уалихан-ага отправил меня в областной отдел народного образования. Оказалось, там как раз формируют группу для направления в Одесский институт легкой и пищевой промышленности и Алтайский машиностроительный институт, в соответствии с Постановлением ЦК Компартии Казахстана и Совета Министров республики о подготовке национальных кадров по всем специальностям.

Как я выбирал, куда же мне поступать? Взял карту и циркуль, замерил расстояние от Петропавловска до Одессы и до Барнаула. До Барнаула шаг циркуля оказался на один сантиметр короче, и это решило мою судьбу.

В облоно формировалась группа из пяти человек, четверо из которых были кокчетавцами, и я один из Северо-Казахстанской области. Мне как воспитаннику детского дома выдали новое зимнее пальто с

воротником, костюм и белье из американской гуманитарной помощи, шесть булок хлеба на дорогу (до 1947 года еще действовала карточная система). Также дали деньги от школы и от облоно, купили билет на поезд, выделили сопровождающего – старшего лейтенанта. (Офицер вез семью в отпуск в г. Кемерово). Так мы выехали и прибыли в Новосибирск. На этой станции нашему старшему падо было сделать остановку, чтобы отправить семью в Кемерово. Для компостирования билетов он поехал в городскую железнодорожную кассу и взял меня с собой. Прокомпостировав билеты, офицер начал играть в «наперсток». После войны подобных игроков было полно в многолюдных местах: на вокзалах, базарах, около железнодорожных касс. Старший лейтенант проиграл все свои и наши деньги, а меня предупредил, чтобы я сказал, что деньги у него вытащили из кармана.

10 августа, в понедельник, мы добрались наконец до Барнаула и пошли в машиностроительный институт. Там в присмной комиссии нам объяснили, что вступительные экзамены начались давно, а сегодня последний экзамен по русскому языку – сочинение. Мы сложили вещи (у меня был мешок с хлебом и фанерный чемодан с учебниками, в основном по математике) и пошли на экзамен. Дали нам бумагу и ручки. Тем было несколько. Я выбрал тему по роману М. Горького «Мать». Русским языком все мы владели очень плохо, так как даже в русских школах в то время в основном изучали иностранные языки. Мы же и вовсе знали десятка два обиходных русских слов и на этом наши знания заканчивались. Поэтому результат можно было предположить.

... а мы потом узнали, в моем сочинении оказалось всего 1-10 ошибок. Естественно, оценка должна была быть ниже единицы...

Но как всегда в жизни, мне снова повезло на добротные поеды.

В данном случае таким человеком, феей для меня, оказалась лаборантка кафедры черчения Чечерина, супруга заместителя ректора института по хозяйственной части, еврейка по национальности.

На следующий день мы должны были сдавать экзамен по математике. Я взял с собой все учебники на казахском языке: геометрию, алгебру, тригонометрию. Она увидела меня в учебной части, в комиссии и сказала: «Мальчик, ты не расстраивайся, будешь учиться. Надо сдавать следующие экзамены!».

Дело в том, что мои товарищи в это время забрали свои документы и ушли в расположенный рядом сельскохозяйственный институт. Чечерина повела меня в кабинет, где шел экзамен по математике, и предупредила преподавателя Горелика, что этот мальчик из Казахстана, русского языка не знает, но учиться в институте должен. Горелик взял все мои задачки на казахском языке и показал, какие задачи нужно решить. Я решил все, и экзаменатор поставил мне оценку «удовлетворительно», но я остался в кабинете. Некоторых ребят я уже знал по общешкольную, в котором нас разместили, и решил им помочь. Они стали передавать записки, я успел решить только одну, и Горелик прогнал меня из кабинета.

Также я сдавал экзамены по физике и химии, а по немецкому языку мне просто поставили «три». На немецком я мог читать свободно, так как учился 7 классов по латинскому алфавиту. (На латыни в Ка-

захстане учились до 1943 года). Кстати, в последующем знание латинского алфавита мне очень помогло.

## **О МОИХ ТОВАРИЩАХ, ПРИЕХАВШИХ ИЗ КОКЧЕТАВА**

Все они учились в сельхозинституте хорошо, успешно сдавали экзамены. Основной причиной того, что не пошли в машиностроительный, было то, что их смущало слабое знание математики. Одна из девушек проучилась только один семестр, уехала домой и не вернулась. Другая успешно проучилась два года и вынуждена была бросить институт из-за материальных трудностей. Она вернулась на родину, работала в школе, потом долгие годы была председателем сельсовета, а затем стала директором дома-музея Шокана Уалиханова. Парни успешно окончили институт, один стал агрономом, другой – зоотехником. Газиз работал сначала в совхозе, потом стал заместителем начальника областного управления сельского хозяйства. Ушел на пенсию с должности начальника Кокчетавского областного управления хлебопродуктов.

А в моей учебе в институте были две сложности. Первая - материальные проблемы. Кроме стипендии, составлявшей в 1947 году 250 рублей, на что-либо помощь мне рассчитывать не приходилось. Брат Дайрабай работал в колхозе и на трудовни практически ничего не получал, к тому же на его плечах была забота о большой семье. Мои сестры Культай, Жамкетай и Кабиба тоже жили очень тяжело.

На стипендию нужно было как-то питаться, поку-



плот, носки, белье. Я в основном обходился тем, что получил еще в интернате.

Все мои поступления всех отправили по колхозам и бригадам на уборку урожая. Меня оставили в городе в ожидании, что был очень мал ростом, и у моих сапог отвалилась подошва. Сапоги были брезентовые, но с которыми они были прошиты, сгнили. Я начинал отвалившиеся подошвы к головкам проволочной, но и это не очень помогало, и ветхая обувь закончилась окончательно.

В общем, поручили мне заняться ремонтом коек в общежитии.

В комнате мы жили впятером. Двое приехали из Семипалатинской области, а двое, Сергей Рязанов и Александр Оберемченко, были моими земляками. Впятером было, конечно, легче.

Кажденько мы ходили в баню и брали с собой туда белье для стирки. Стирать в бане не разрешалось: ходили проверяющие, отбирали белье и выгоняли нарушителей. Однажды я набрал белья для стирки многовато (видно, накопилось). Ко мне подошла рослая женщина, заглянула в таз и сказала: «А это доброй женщине стирки на целый день!». Она не стала меня ругать. Только покачала головой и ушла. (Позже у нас в общежитии организовали пункт, куда мы могли сдавать белье в стирку, платя за услуги копейки.)

Ребята, жившие недалеко от Барнаула, привозили из дому продукты и сами готовили еду. Парни из Семипалатинска, Иван Ненашев из города Нарыма Томской области и другие студенты питались вместе. Часто приглашали к общему столу и меня.

В нашей группе учился Петр Пятница, сын знаменитого Героя Социалистического Труда и Героя Советского Союза Семена Пятницы. Мы с Петром очень дружили. Он жил на частной квартире у стариков и приглашал меня в гости. Мы занимались вместе на 2-3 курсах, я мог в то время уже консультировать по некоторым предметам. В гостях у Петра наедался досыта хлсбом: у него было много домашнего хлеба. Я очень часто встречался с его отцом. Семен был очень крупным человеком, настоящим хлеборобом, добрым по характеру. Всегда интересовался: «Ну как, сынки, жизнь? Как учеба?».

После окончания института Петр работал главным инженером, директором Алтайской краевой машиноиспытательной станции, затем начальником краевого управления электрических сетей.

Во время учебы я подружился и с Газизом Асилхановичем Султановым, ставшим для меня, можно сказать, опекуном и старшим братом. Он был участником Великой Отечественной войны, капитаном, танкистом, кавалером многих орденов. Поступил в институт в 1949 году и на правах старшего по возрасту первым проявил инициативу, поинтересовавшись моей жизнью и учебой. Газиз-ага всегда был рядом, с добрым советом и помощью. Он получал определенную сумму за боевые награды, стипендию, из дома ему помогала жена Гульжан, в то время секретарь райкома комсомола в г. Аягузе. Газиз-ага приглашал меня в гости на студенческий обед.

Когда по окончании вуза я работал в Томске на 5-м Государственном подшипниковом заводе, а потом в Нарыме, связь с Газизом-ага прервалась. Восстановилась она только после моего возвращения в 1959

... в Казахстане. Но и здесь, на родине, мы встречались с моим старшим другом, не так часто, как хотелось бы.

Кстати, с нами в институте училось много военных в возрасте до сорока лет, начиная от рядового до полковника. Их было в институте процентов тридцать. Они подавали нам пример упорства в учебе. Глядя на них, нам, молодым, было просто стыдно учиться плохо.

А наш Газиз Султанов уже на 4-5 курсах имел авторское свидетельство на изобретение козочесального аппарата и аппарата для дойки кобыл. После института Газиз-ага работал конструктором, главным конструктором на станкостроительном заводе, долгие годы возглавлял Алматинский институт тяжелого машиностроения, был заместителем министра Внутренних дел Казахской ССР и вышел в отставку в звании генерала.

Один из его коллег, Чудинов, работал на заводе в Шымкенте и поднялся до должности министра дорожных специальных машин. Это было одно из крупных министерств оборонного машиностроения.

Страна нуждалась в молодых грамотных кадрах, и наши товарищи стали крупными специалистами, защитили кандидатские и докторские диссертации.

Казахстан, благодаря постановлению Правительства о подготовке национальных кадров, посылал на учебу во все города Советского Союза будущих специалистов для всех отраслей народного хозяйства.

В те послевоенные годы в институтах действовали студенческие профсоюзные комитеты, которые очень нам помогали. Комитеты выдавали карточ-

ки на приобретение товаров, материала и одежды по очень низким ценам нуждающимся студентам. В нашем институте таких было немного, всего несколько десятков.

Хотя плохо обеспеченным студентам учиться было очень тяжело, мы все равно не унывали. Те, кто по сильнее физически, разгружали вагоны, копали землю под столбы, укладывали кабель. Работали, как могли, никаким трудом не брезговали. Были бригады сильные, крепко сложенные: Александр Бирюков, просто гигант, Александр Боль, впоследствии ставший директором научно-исследовательского института машиностроения, кандидатом технических наук.

Был у меня друг Иван Ломухин из Читы, весельчак и спортсмен. Иван был борцом, чемпионом края по классической борьбе и лыжником. Ходил он и на бокс. Однажды пригласил и меня. Я выдержал только один день тренировок: так поколотили по голове, что больше не стал туда ходить. Но мы с Иваном все годы учебы ходили по воскресеньям на лыжах в сосновый бор. Иван хорошо катался и на коньках, а у меня любовь к лыжам сохранилась до сих пор.

Когда футбольная команда нашего института играла на центральном стадионе «Динамо», все так кричали, что было слышно на весь город. В дни футбольных матчей в институте оставалось очень мало людей, только студентки и пожилые преподаватели.

Кстати, в институте действовало много различных кружков. Нас учили даже бальным танцам.

## О САМОМ УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Первый семестр мне давался очень тяжело из-за знания русского языка. Если по математике были в основном формулы, то и порядок решения можно было как-то понять, но даже по таким предметам, как физика и химия, было сложнее. Тем более что у меня не доставало знаний даже по программе средней школы. Еще тяжелее было учить основы марксизма-ленинизма (4 семестра), немецкий язык (3-4 семестры). Хотя по основам марксизма-ленинизма мне приходилось постоянно ходить на консультации, многое я все равно не понимал. То же было с философией: много и бесполезно штудировал.

А ведь если не сдашь экзамены, не получишь стипендию, и тогда придется бросать учебу.

Еще обязательно надо было изучать немецкий или польский язык. Я выбрал немецкий, так как знал латинский алфавит. Забегая вперед, скажу, что к окончанию института мы неплохо владели иностранным языком. Основной причиной была строгость нашей преподавательницы Лобановой, очень серьезной и требовательной.

Расскажу курьезный случай. Как-то надо было переводить с русского на немецкий, или наоборот, теперь уже точно не помню. А как быть, если плохо знаешь оба языка? Сижу в общежитии, готовлюсь к немецкому. В учебнике нарисован петух и внизу подписано по-немецки. Я слово «петух» слышал, но забыл. Как выйти из положения? И я спрашиваю ребят: «Как зовут мужа курицы?». Они посмеялись, сказали: «Петух!». Это было в начале первого курса и

меня долго за глаза ласково так и называли – «кур-цын муж»).

А как мы изучали языки в школе? Сути не понимали, просто заучивали на память, как стихи. Так и об-вечали на уроках. Наша институтская преподава-тельница знала об этом и заставляла вникать в сло-слов. Поэтому к окончанию вуза мы знали уже тыся-чи слов и могли общаться на псмском на бытовом уровне. А мне все это было очень интересно. Покупа-л книжки с несложными немецкими текстами и учился понимать смысл прочитанного. Конечно, со временем без практики все забывается, но если по-стоянно читаешь литературу, то язык можно освоить хорошо.

В 1947-50 годах я жил в России, на своем родном языке почти не разговаривал, но не забыл ни уст-ную речь, ни письменную. Да, до сих пор помню латинский алфавит, на котором учился до 7 класса.

Еще интересно, как я учил черчение.

В школе-интернате нам этот предмет не препода-вали. Это серьезно сказалось на моей учебе на пер-вом курсе института, где черчение было одним из основных предметов. В инженерных вузах была шу-тка: если студент сдал сопромат, то может жениться, потому что он теперь почти инженер.

Так вот, в первом семестре надо было осваивать азы черчения: проектирование простых деталей в трех проекциях. Я никак не мог ничего понять. Од-нажды ко мне в комнате в общежитии подсел такой же, как я, первокурсник Жилин, поступивший в ин-ститут после окончания техникума и хорошо знав-ший черчение. Так вот он научил меня азам черче-ния за несколько минут: взял обыкновенный спичеч-

Чертежник и показал чертежи в трех проекциях. В течение пятнадцатиминутного «курса» я научился чертить простые детали. На 3-4 курсах у меня не было проблем по этому предмету, я умел уже проектировать сложные узлы, и на каникулах на заводе проектированием зарабатывал деньги. Конечно, по вечерам с друзьями чертить проекты по курсовым работам. Чертить любил и не уставал от работы, это было для меня удовольствием.

На третьем курсе в учебной программе появились более сложные предметы как, например, теория механизмов и механизмы. Преподавал ее любимый нами преподаватель Федорович Соляник. Очень терпеливый и интеллигентный человек, он никогда не жалел времени если приходилось объяснять тему долго. Великими были задушевные беседы о жизни, о нашем будущем.

И Ф. Соляник дал первую рекомендацию, когда я поступил в члены ВКП(б), и надеюсь, что я его не подвел, оправдал доверие.

Предмет «Металлорежущие станки» читал опытный заводской главный технолог Гандлер. Он отлично знал кинематическую схему всех действующих фрезерных, сверлильных, строгальных, шлифовальных станков и их модификаций. У Гандлера была феноменальная память. Он читал лекции во многих группах. Мог прийти в группу через неделю и продолжить лекцию с той точки кинематической схемы станка, на которой остановился в прошлый раз. Мы, конечно, очень уважали Гандлера, восхищались знаниями инженера, прекрасно знающего

свою специальность. Такие люди оставляют неизгладимую память в сердцах студентов.

И таких преподавателей в нашем институте было очень много. Отношения между ними и студентами складывались почти родственные. Видимо, сказалось тяжелое положение военных и послевоенных лет, когда все люди жили трудно, и не было между нами зависти, злости.

В те годы институт был еще небольшой. В 1947 году училось около 800 студентов, а к 1952 году – уже около 1500. Это был Запорожский машиностроительный институт, эвакуированный в войну в Барнаул и переименованный в Алтайский.

Когда в 1977 году я присхал на 25-летие окончания института, это был уже целый город из учебных корпусов и общежитий, и назывался уже Алтайский политехнический институт. На десятках факультетов насчитывалось более 7000 студентов, и это была кузница инженерных кадров для всего Советского Союза.

Первую производственную практику мы проходили на 77-м военном машиностроительном заводе Барнаула, выпускавшем крупные дизельные двигатели для торпедных катеров и военных судов. Была у нас практика и на Алтайском тракторном заводе в г. Рубцовске, на Уральском автомобильном заводе УралЗиС в г. Миассе.

За пять студенческих лет мы приобрели много друзей. В 1952 году, защитив диплом, выпускники разъехались по всему СССР. нас ждали Минск, Киев, Липецк, Воронеж, Москва, Ташкент, Фрунзе, Новосибирск, Рубцовск, Барнаул и многие другие города. Я получил направление в г. Томск, на Государственный подшипниковый завод №5.



в августе 1952 года приехал на 5-й ГПЗ, в отдел цехов заводоуправления. Дали направление в общежитие, где жили инженеры, и там я встретил наших старшкурспников Изотова, Хитрова и других. На заводе меня определили мастером шлифовального цеха. Шлифовальные станки были в основном польского и немецкого производства. На нашем заводе действовал только один советский станок с механическим приводом, самый совершенный по тому времени.

Цеховые корпуса были, конечно, приспособлены для них. Несколько цехов Московского подшипникового завода, эвакуированных из столицы во время войны, размещались в бывшем военном городке на окраине Томска. Казармы и другие помещения были приспособлены под производственные цехи и выпускали подшипники как для военных машин, так и для нужд народного хозяйства. Мне, молодому специалисту, очень интересно было изучать производство как человеку, ответственному за производственный участок.

Однако сложность заключалась в освоении измерительных приборов, улавливающих отклонения от установленных размеров в десятки микрон. Это было очень интересно. Для определения годности устанавливалось пять-шесть параметров измерения, которые необходимо строго выдерживать. В основном этими измерениями занимались контролеры участка, но если размеры выходили за допускаемые пределы, мастер был обязан найти причины отклонений и срочно принимать меры для устранения брака. На это время станок останавливали, что влекло простой и сокращение выпуска продукции. Словом,

ответственности была большая. Мастер также обязан был следить за обеспечением рабочих мест всеми необходимыми материалами, за взаимозаменяемостью работников. Производительность цеха и участка зависела от качества продукции, выпускаемой цехами предыдущего производственного цикла – кузнечным и токарным. Если у тех был серьезный брак, то это отражалось на конечном звене технологической цепи – на шлифовке.

В те годы в обиходе была поговорка: в начале месяца – спячка, в середине – раскачка, а в конце – горячка. В конце месяца обычно задерживались во вторую смену, работали в выходные дни.

Еще одной особенностью послевоенного времени была тщательная проверка чистоты участка, особенно металлообрабатывающих станков, перед выходным воскресным днем.

Учась в институте, мы слышали, что за границей станки при приемке проверяют на чистоту платком. Так вот, на нашем заводе тоже практиковали генеральные проверки станков чистой белой тряпочкой. На тщательное мытье и чистку станков уходило очень много времени. Главный механик завода мог не принять участок на выходной день, и тогда всю уборку и чистку приходилось начинать сначала.

Эти мероприятия по содержанию станков в надлежащей чистоте дисциплинировали людей, обеспечивали продление срока службы станков.

Работая на заводе и учась в вечернем университете, я имел возможность расширить круг знакомых и товарищей среди инженеров завода и городской интеллигенции.



**Каттай в студенческие годы**



**Каттай с товарищами по институту**





**На производстве**





**Во время работы в тресте «Союзцеленвод»**





**Каттай Кеншибаев  
со своим изобретением**



**Друзья и коллеги**



**Юбилей К.Б.Кеншибаева**





**К.Б.Кеншинбаев**



**С дочерью Данатой**



**С женой Раушан Жунусовной**



**Поздравляет подшефный семейный  
детский дом**



**К.Кеншинбаев  
с товарищами**



**Рыбалка -  
любимое хобби**



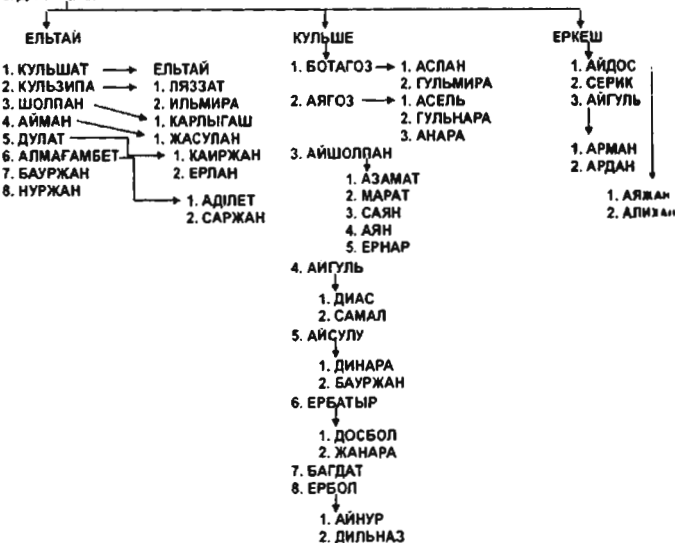
**Сын Александр и дочь Леонелла с мужем**



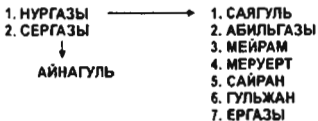
**Свадьба младшей дочери Данаты**



3. ДАЙРАБАЙ



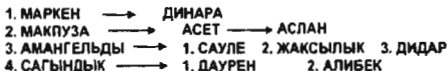
4. КУЛТАЙ



5. ЖАМКЕТАЙ



6. КАБИБА



Очень важное событие того года – знакомство с Зиной, Зинаидой Александровной Латышевой. Она работала контролером на соседнем участке в нашем цехе. Мы с Зиной подружились на первомайском празднике в 1953 году.

А в стране в сентябре того же года вышло так называемое «хрущевское» Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о направлении 25 тысяч инженеров на подъем сельского хозяйства страны.

После опубликования этого документа меня пригласили в партком завода и сказали, что как молодому специалисту и кандидату в члены партии мне надо ехать на одну из МТС области для оказания помощи сельчанам в освоении новой техники.

В пятидесятых годах на оснащение сельского хозяйства начали поступать дизельные тракторы, модернизированные комбайны, много различных сельхозмашин. После беседы в парткоме меня пригласили в Томский обком КПСС. А на следующий день на первой странице областной газеты «Красное знамя» появился мой портрет. Портрет, как было сказано в тексте под ним, «инициатора движения молодых специалистов, направляющихся в сельское хозяйство».

В общежитии нас, молодых специалистов, было 5, и, чтобы не уезжать одному, я начал агитировать ребят ехать в село, и мы начали выбирать район и МТС. Мы выбрали Чажемтовскую МТС Колпашевского района, решив, что я поеду заведовать мастерской, Георгий Архандеев – главным инженером, и Михаил Чуев – инженером по сельскохозяйственным машинам.

Держали мы совет и с Зинаидой Александровной Зина дала согласие ехать в село. Я должен был отправиться один, устроиться, а потом приехать за ней.

Пока мы определялись, куда съехать, и пока готовились к отъезду, уже начался октябрь, и 10 октября 1953 года я на настоящем пароходе по Оби поехал в Колпашево. А там за мной должен был прийти катер Чажемтовской МТС.

По прибытии в Колпашево - центр одноименного района, расположенный на правом берегу Оби, устроился в гостинице, деревянной, как и все колпашевские дома. Позвонил на МТС, сообщил, где нахожусь.

Чтобы попасть на МТС, нужно было на пароме переехать Обь, а потом дважды реку Чай. С катером МТС, который пришел за мной, этих проблем не было. Кроме одной сложности: по реке Чай уже шла *шуга* (лед, снег на воде). А через шугу пробиваться на небольшом деревянном катере трудно. Это был последний рейс в том году по рекам, хотя на Оби шуга еще не появилась. Большие пароходы шли уже с низов Оби наверх на свои стоянки, на зимний ремонт. Поселки, в которых базировались на сибирских реках пароходы для ремонта, назывались «*якорями*».

На первый случай меня определили на частную квартиру в бездетную семью. Был уже период осенне-зимнего бездорожья. В Нарымском крае их два: в весенний паводок, когда разваливаются зимники, а реки - основной путь передвижения сибиряков - еще не вскрылись ото льда; и перед зимой, когда реки замерзают, а зимние дороги еще не действуют. Так там было до шестидесятых годов, пока не пришли



на нефтеразведку геологи, а за ними – нефтяники-добытчики. В период бездорожья почту в поселки сорасывали с самолета, и оставалось еще общение по телефону.

В декабре устанавливались зимние дороги. По маршруту Колпашево – Томск стали летать трехмоторные самолеты. Меня в этот период направили на месячный курс по освоению принципов ведения сельского хозяйства.

Какими были обстановка в Нарымском крае и конкретно на Чажемтовской МТС с кадрами и отношение к нам, молодым специалистам, получившим диплом инженера практически сразу после школьной скамьи?

Среди двадцатипяти тысячников были инженеры-участники Великой Отечественной войны и те, кто пришел из сферы промышленности. Они уже были уважаемыми людьми. На нашей МТС, например, главным инженером (в то время их называли *стар-мехи* – старшие механики) и заведующим мастерской работали люди с образованием 6-7 классов, которые за долгую трудовую жизнь были сначала трактористами, потом бригадирами тракторных бригад, а уже после – механиками. Директор МТС Кириченко – тоже бывший тракторист из Алтайского края. Эти люди к тому времени уже по нескольку лет занимавшие солидные должности, технику, конечно, знали очень хорошо. После нашего прибытия их от должностей освободили, поставили на рядовые работы. С их стороны были обиды на нас, хотя мы тут ни при чем. Когда поближе познакомился с опытными трактористами и бригадирами, я понял, что

Держали мы совет и с Зинаидой Александровной Зина дала согласие ехать в село. Я должен был отправиться один, устроиться, а потом приехать за ней.

Пока мы определялись, куда ехать, и пока готовились к отъезду, уже начался октябрь, и 10 октября 1953 года я на настоящем пароходе по Оби поехал в Колпашево. А там за мной должен был прийти катер Чажемтовской МТС.

По прибытии в Колпашево - центр одноименного района, расположенный на правом берегу Оби, устроился в гостинице, деревянной, как и все колпашевские дома. Позвонил на МТС, сообщил, где нахожусь.

Чтобы попасть на МТС, нужно было на пароме переехать Обь, а потом дважды реку Чай. С катером МТС, который пришел за мной, этих проблем не было. Кроме одной сложности: по реке Чай уже шла *шуга* (лед, снег на воде). А через шугу пробиваться на небольшом деревянном катере трудно. Это был последний рейс в том году по рекам, хотя на Оби шуга еще не появилась. Большие пароходы шли уже с низов Оби наверх на свои стоянки, на зимний ремонт. Поселки, в которых базировались на сибирских реках пароходы для ремонта, назывались «*якорями*».

На первый случай меня определили на частную квартиру в бездетную семью. Был уже период осенне-зимнего бездорожья. В Нарымском крае их два: в весенний паводок, когда разваливаются зимники, а реки - основной путь передвижения сибиряков - еще не вскрылись ото льда; и перед зимой, когда реки замерзают, а зимние дороги еще не действуют. Так там было до шестидесятых годов, пока не пришли

на нефтеразведку геологи, а за ними – нефтяники-добытчики. В период бездорожья почти в поселки сбрасывали с самолета, и оставалось еще общение по телефону.

В декабре устанавливались зимние дороги. По маршруту Колпашево – Томск стали летать трехместные самолеты. Меня в этот период направили на месячный курс по освоению принципов ведения сельского хозяйства.

Какими были обстановка в Нарымском крае и конкретно на Чажемтовской МТС с кадрами и отношения к нам, молодым специалистам, получившим диплом инженера практически сразу после школьной скамьи?

Среди двадцатипяти тысячников были инженеры – участники Великой Отечественной войны и те, кто пришел из сферы промышленности. Они уже были уважаемыми людьми. На нашей МТС, например, главным инженером (в то время их называли *стар-мехи* – старшие механики) и заведующим мастерской работали люди с образованием 6-7 классов, которые за долгую трудовую жизнь были сначала трактористами, потом бригадирами тракторных бригад, а уже после – механиками. Директор МТС Кириченко – тоже бывший тракторист из Алтайского края. Эти люди к тому времени уже по несколько лет занимавшие солидные должности, технику, конечно, знали очень хорошо. После нашего прибытия их от должностей освободили, поставили на рядовые работы. С их стороны были обиды на нас, хотя мы тут ни при чем. Когда поближе познакомился с опытными трактористами и бригадирами, я понял, что

многие из них морально поддерживают нас, спелли алистов.

Наша МТС была единственной на весь район. Вседвенадцать колхозов района сеяли более 12 тысяч гектаров зерновых: рожь, ячмень, овес и очень мало пшеницы. Муку для выпечки хлеба завозили в основном из южных районов Алтайского края. Самой трудоемкой культурой был лен-долгунец. За льноволокно высокого качества государство платило колхозам высокую цену, поставляло рис, сахар, лучшие сорта ткани. Кроме того, этим колхозам государством доводилось задание по заготовке деловой древесины (край-то таежный) и план по добыче рыбы: в многочисленных реках, озерах, излучинах Оби рыбы было много.

В основном этот край осваивали кулаки-переселенцы из Алтайского края и Сибири, крещеные татары. Старожилов было немного. Были здесь переселенцы из немцев и латышей. По рассказам, первые *освоенцы* на территории МТС - «кулаки». Их везли по Оби из Томска на пароходе и высаживали на берег осваивать тайгу. Они выжигали лес, строили дома, разводили скот, словом, обживали этот край.

К 1953 году здесь уже были крупные зажиточные поселки с капитальными сосновыми домами, высокими, построенными со всем двором; школами, больницами и всем необходимым. Не было только хороших дорог, люди ездили на лошадях и тракторах.

До прихода геологов, нефтяников и газовиков край этот был девственной красоты, с природой в ее первозданном виде. Росли все виды ягод, особенно густыми были малинники высотой более двух метров, смородина, облепиха, клюква... Край был богат кедрами.

В селе Чажомто я прожил почти шесть лет. Там мы с Зинаидой Александровной создали семью.

Как писал чуть раньше, в 1953 году после двух месяцев работы на новом месте нас пригласили на курсы в Томск. По окончании курсов Зинаида Александровна улетела в Колпашево на самолете, а я поехал на автомашине: повез наш небогатый домашний скарб.

Сначала нам выделили одну комнату в частном доме, а к весне освободилась двухкомнатная квартира и мы переселились в нее. К моменту рождения дочери у нас уже было свое жилье в двухквартирном доме на горе.

Посля, наш первенец, родилась 18 июля 1954 года в 12 часов дня в селе Малиновке. Сельский совет там почему-то назывался Могильный Мыс.

А день был такой.

Утром рано директор МТС, главный инженер, мой приятель, с которым мы приехали с завода вместе, и я отправились рыбачить на речку. День был субботний. Возвращаемся с рыбалки в одиннадцатом часу утра, а возле конторы МТС собралось много народу. Оказывается, соседний колхоз имени Дмитрова назначил субботник на сенокос. Мы остановились около конторы, а в это время с горки от нашего дома спускается Зинаида Александровна и машет рукой, меня зовет. Я кричу, что кушать не хочу, мол, на субботник едем. Тут мне женщины подсказывают, что, наверное, жене пора в роддом.

Роддом находился в двенадцати километрах от нас. Я - к директору, просить машину, а тут как раз подъехал председатель колхоза на легкой рессорной коляске. Мы тут же посадили в нее Зинаиду Александровну.

ровну и поехали в Малиновку. Минут за сорок до-  
рались до родильного дома. Супругу приняли, а нам  
велели ждать. Кучер говорит: «Положено ехать в  
магазин». Поехали в деревенский магазин. Возвраща-  
юсь, а медики уже поздравляют меня с дочкой.  
Так мы стали семьей из трех человек. Через неделю  
я привез жену с доченькой домой.

К осени нам дали двухкомнатную квартиру в том-  
ко что отстроенном доме, так что наша Неля начала  
свою жизнь в новом доме! Молоко для ребенка по-  
купали у соседей.

Вообщем, в Нарымском крае был неписаный закон  
в селе никто никому продуктов не продавал, даже  
молоко. Но мои соседи - Александр Шенделев с су-  
ругой, которая по профессии была фельдшером-аку-  
шером, оказались очень хорошими людьми, и мы с  
ними очень дружили. Александр – коммунист, участ-  
ник войны, работал на МТС шофером на автома-  
шине Урал-ЗИС с деревянной кабиной. Вот они про-  
давали нам молоко, яйца, а Мария как медик опека-  
ла Нелю, а потом и Сашу.

Пришла пора и нам обзаводиться своим хозяй-  
ством. Я начал строить коровник, курятник. Купили  
в рассрочку корову Пестрянку, и у нас появилось  
свое молоко, а к весне завели кур. Один сезон за счет  
своего отпуска я работал комбайнером на уборке,  
получил за комбайнерство плату пшеницей и мукой  
– все пригодилось в хозяйстве.

Через год избрали членом бюро партийной орга-  
низации МТС и председателем местного комитета  
профсоюза, поручив курировать комсомольскую орга-  
низацию. Ко мне стали обращаться рабочие со сво-  
ими нуждами, с просьбами помочь решить семей-

... и производственные (через директора МТС) проблемы.

Наконец, после трех лет работы на МТС я впервые обратился к директору с просьбой отпустить меня на родину. Он направил ее секретарю парткома, который одновременно являлся и секретарем Колпашевского горкома КПСС. Вопрос вынесли на общее партийное собрание МТС. Приехал первый секретарь горкома Александр Георгиевич Мезенцев. Мой вопрос был в повестке дня вторым. В начале А. Г. Мезенцев высказал мнение райкома партии. После долгого обсуждения началось голосование. Итог: 17 — «за», 17 — «против», при одном воздержавшемся. Деваться некуда: остаюсь работать на МТС.

В июне 1958 года удалось поехать на родину в отпуск с женой и детьми. На станции Полудино нас встретили сестра Кабиба и зять Айдархан. Тут от сестры я узнаю, что год назад скончался брат Дайрабай, воспитавший нас...

Пришлось идти к директору Полудинской МТС Константину Селяновичу Лосеву. Познакомившись с ним, попросил у него автомашину, чтобы доехать с семьей до своего аула. Лосев пригласил главного инженера И. К. Бобровицкого. Так я познакомился с Иваном Константиновичем, с которым позже, когда вернулся в область, мы стали хорошими товарищами. Оба они, как, впрочем, и я, были двадцатипяти-тысячниками. Нам было интересно послушать друг друга: как там, в Сибири, и как тут, на казахстанской целине. Конечно, в Казахстане вся техника была новая, передовая и было ее очень много, а сибиряки работали еще на колесных тракторах СХТЗ, гусенич-

ных НАТП и комбайнах «Коммунар» и «Сталинец» довоенного выпуска.

Вскоре после моего возвращения на родину, когда я работал инструктором сельхозотдела обкома, К. С. Лосев был избран первым секретарем Полудинского райкома, затем вторым секретарем обкома партии, а И. К. Бобровицкий назначен начальником областного объединения Казсельхозтехники. Позднее Лосев возглавлял Джекказганский обком партии.

Итак, после пятилетнего отсутствия приехал я в свой аул. Уезжал один, а вернулся с семьей. Познакомились мои близкие, подружились. Все три сестры, племянники и любимый зять Зикрия просили постараться вернуться на родину, долго, дескать, я скитаюсь вдалеке.

Мы с Зинаидой Александровной долго думали, как быть, а потом она согласилась на переезд: понравился ей наш край - березовый, зеленый, тихий.

После двухнедельного пребывания в ауле уже на проводах я всем близким родственникам пообещал, что в следующем году перееду с семьей в родную область. Обратился в Булаевский трест совхозов, взял там письмо-ходатайство, чтобы меня отпустили с настоящего места работы. Вернувшись на свою МТС, стал думать, как быть дальше. Опять написал заявление в горком, в партком и директору. В декабре состоялось партсобрание. На этот раз на собрание приехал председатель Колпашевского райисполкома Каюм Юсупович Абдушов. Снова голосовали. За то, чтобы меня отпустить, проголосовали 18 человек, против - 18. Тогда пришлось написать заявление в ЦК КПСС, ЦК КП Казахстана о том, что мои



сестры нуждаются в помощи, что в Казахстане идет освоение целины, и я, в конце концов, прошусь не обратно в город на завод, а на целину, в сельское хозяйство!

Почти каждый месяц отправлял письма-просьбы. Кроме того, поступил так, как советовал в институте один молодой кандидат наук: подговорил молодых инженеров, и начали мы критиковать директора МТС. Тому это, конечно, не понравилось – метод любимого преподавателя сработал!

В апреле я уезжал проверять готовность сельхозтехники к посевной в самые дальние колхозы на лошади (а расстояния – до 150 километров!). И вот однажды вечером звонят из горкома партии и велят завтра в 10.00 быть на бюро по поводу моего заявления в ЦК КПСС и ЦК КП Казахстана.

Встал пораньше и прямо из колхоза имени Хрущева, в котором в тот момент находился, поехал на заседание бюро. После пятиминутного обсуждения бюро решило отпустить меня на родину.

Приехал на МТС и начал срочно сдавать всю подотчетную мне технику и материальные ценности.

Был период межсезонья, конец долгой сибирской зимы, зимние посадочные полосы для самолетов уже рушились. Но я успел-таки на последний рейс двухместного самолета по маршруту Колпашево – Томск: знакомый летчик взял меня третьим, сверхнормативным, пассажиром. Семья моя осталась на Чажемтовской МТС до той поры, пока не вскрыются реки и по ним не пойдут пароходы и теплоходы.

Через день я выехал из Томска в Булаево.

Это было в начале апреля. В это время здесь уже вовсю таяли снега, на полях полно воды. Автомо-

бильных дорог здесь тоже не было, поэтому от Булаева до деревни я доехал на лошади.

Главный технолог Петропавловского завода имени Кирова очень звал пойти к ним технологом, так как по специальности я инженер-механик по технологии машиностроения. Но ни на этом заводе, ни на заводе малолитражных двигателей никто не мог предложить ни квартиру, ни комнату в общежитии.

Тогда я пошел в областное управление сельского хозяйства, к заместителю начальника Г. И. Неспрядику, был и у М.Ю. Верткина. Они предложили мне должность заведующего ремонтными мастерскими совхоза «Карагандинский». Решил по телефону посоветоваться с Газизом Истаевичем Каскеевым и по его совету от этого предложения отказался. И снова - к Верткину. Тот с кем-то посоветовался и предложил ехать в совхоз «Чистовский» заведующим нормировочным пунктом при Булаевском тресте совхозов.

Прибыл с направлением в Булаевский трест совхозов. Меня приняли на работу и отправили устраиваться в совхоз «Чистовский».

Директором этого хозяйства в то время был Алексей Иванович Козлов, бывший министр совхозов СССР, направленный лично Н. С. Хрущевым на целину выращивать кукурузу. По указанию Козлова в одном из многоквартирных домов мне выделили одну большую комнату. Я не стал искать жилья получше и поселился в ней.

Однажды утром слышу по радио сообщение о том, что из Томска по Оби пошли первые пароходы в Нарым. Я тут же в трест - за разрешением ехать за семьей. В Булаеве купил билет до Томска. Там я все-

... та навливался у двух старших сестер Зинаиды Александровны.

В Томске пошел искать знакомых, чтобы узнать, какие катера везут весенний груз для посевной кампании и других нужд Севера. Нашел знакомых мужиков, везших груз в Колпашево, и трех заместителей начальника облсельхозуправления с машинами ГАЗ-69, которые те должны были развезти по районам. Договорился, что доеду с ними до Колпашева, где они разгрузятся, а потом с ними же доедем по реке Чай в Чажемтовскую МТС за моей семьей.

Да, когда в Томске сел на большой двухэтажный торпедный катер, один из руководителей облсельхозуправления узнал меня и начал расспрашивать, как я здесь оказался, если должен находиться на поезде на МТС. Узнав, что я уволился и еду за семьей, начал возмущаться: «Как это так? Ученые кадры управления увольняются, а мы ничего не знаем?!». Он и его коллеги стали предлагать мне должность директора МТС где-нибудь поближе к Томску. Я возражаю. Говорю, мол, учетная карточка члена партии и трудовая книжка находятся в Казахстане, и, если бы даже я захотел, уже ничего не смогу изменить. Наконец они успокоились, и началась обычная беседа о том, как там жизнь в Казахстане, как идут дела у переселенников.

Попутчики постепенно высаживались по районам: в Молчанове, Коломине, Колпашеве. Как только разгрузились в Колпашеве, после недолгого отдыха команды катер, как мы и договаривались, направился к моей семьей в Чажемто – сначала по Оби, потом по реке Чай.

Половодье только начиналось, поэтому удалось

почти вплотную пришвартоваться к поселку. В тех краях принято встречать первое судно всем селом так что к приезду катера вся деревня была уже на берегу. Тут же сельчане дружно начали разгрузку.

Оказалось, Зинаида Александровна еще не успела продать телку и картофель, которого у нас было много. Пришлось погрузить и это, и начались проволочки всей деревней...

Ранним утром следующего дня мы прибыли на пристань Молчаново, отдали брату Зинаиды Александровны свою Пестрянку. На другой день прибыли в Томск, где нас встречали все родственники жены и мои немногочисленные товарищи. В Томске купили мебельный гарнитур и весь домашний скарп отправили контейнером до станции Исилькуль, а сами поездом с пересадкой в Новосибирске поехали в Булаево.

И началась наша жизнь на родине.

Я работал заведующим областным нормировочным пунктом, в задачи которого входила разработка нормативов оплаты сельскохозяйственных работ, выполняемых на всех видах сельхозмашин. В то время появились новые виды высокопроизводительной техники и необходимо было разработать новые нормативы в соответствии с местными условиями.

Познакомился я с главным инженером совхоза, управляющими и механиками отделений. В то время «Чистовский» представлял собой многоотраслевое хозяйство с шестью отделениями. Было много крупного рогатого скота, развито свиноводство, в одном из отделений содержалось более 6000 овец. В хозяйстве разводили кур пекинской породы и уток, действовали свой кирпичный завод и строительный

поезд. Совхоз своими силами строил на отделенных школах-восьмилетки, медицинские пункты, клубы и магазины. Для строительства в более крупных объемах привлекался строительно-монтажный поезд Омского треста «Трансстрой». Это был первый строительный поезд, работавший на территории нашей области.

«Чистовский» сеял на больших площадях кукурузу и картошку, получая высокие урожаи зеленой массы. Каждый работник совхоза, кроме механизаторов, непосредственно занятых на механизмах, имел персональный участок в несколько соток для индивидуального ухода за ним. Кстати, директор совхоза А. И. Козлов, несмотря на почтенный возраст, с супругой и сыном отлично ухаживал за своим участком кукурузного поля.

Что было примечательно, когда Алексей Иванович объезжал поля, то обязательно останавливался и ходил по полям пешком, потому что носил сапоги и не боялся испачкаться. Зато молодые агрономы и другие директора ездили только на машинах, останавливаясь где-нибудь на краю поля, и пешком по нему не ходили: в штиблетах это не совсем удобно.

Так же много, как и Козлов, ездил по полям главный агроном совхоза Темирбеков, избравшийся в свое время депутатом Верховного Совета СССР. За самые высокие в области и крае урожаи после перевода А. И. Козлова заместителем председателя крайисполкома - начальником крайсельхозуправления Темирбеков был назначен директором совхоза «Чистовский», а позднее – директором Боровского лесотехнического техникума.

Однажды главный агроном попросил меня помочь

в обучении бригадиров-кукурузоводов посадке кукурузы квадратно-гнездовым способом. Было в то время такое *высокое* требование. По прошествии нескольких лет сельские агрономы научились сеять рядовыми сеялками и получать высокие урожаи этой культуры.

Также было требование, чтобы у каждого хозяйства были таблицы с указанием фамилии кукурузовода, площади участка в гектарах, сорта кукурузы. Таких табличек нужно было чуть ли не сотни. Директор и главный агроном просили меня в нерабочее время их изготовить, и я добросовестно выполнил эту просьбу.

Пришлось мне выполнить еще одну личную просьбу директора совхоза.

На балансе хозяйства еще с 1939 года числилось много сельхозмашин: плуги, культиваторы, сеялки, сенокосилки, комбайны, трактора. Все это было изношено технически и устарело морально. У главного инженера не хватало времени заниматься этим вопросом, и пришлось мне с главным бухгалтером уточнить, сколько ее, этой техники, и где она находится. Через два месяца баланс хозяйства был очищен от устаревшей техники, от большинства которой к тому времени остались лишь воспоминания. Пришлось составить для представления в областное управление сельского хозяйства очень много актов на списание комбайнов «Коммунар», «Сталинец-6», тракторов С-60. Часто мы с механиками отделений составляли срочные заявки на ремонт уборочной, сенокосной и сеноуборочной техники.

Несмотря на то, что у меня были свои функциональные обязанности заведующего нормировочным

...том, ко мне за помощью и консультациями ста-  
ло обращаться механики отделений. Я акку-  
ратно посещал партийные собрания совхоза, так как  
тогда они у них на партучете.

А Зинаида Александровна работала бухгалтером  
центральной бухгалтерии совхоза.)

В недолгое время работы в Чистовском я ближе  
познакомился с механиком строительного участка  
Эдуардом Эдуардовичем Реммихом и его братом,  
управляющим четвертым отделением совхоза, П. Г.  
Моринцем, работавшим в то время зоотехником от-  
деления. Как говорят в народе, земля круглая: с эти-  
ми людьми пришлось встречаться в новых условиях  
новых должностях. Когда в 1969 году я стал уп-  
равляющим трестом, Э. Э. Реммих работал главным  
механиком Булаевского магистрального группового  
водопровода, а затем главным инженером водопро-  
вода. На пенсию Эдуард Эдуардович ушел с долж-  
ности главного инженера треста. А. Э. Реммих был  
директором совхоза «Северный» Пресновского рай-  
она, а П. Г. Моринец – директором госплемзавода  
«Мамлютский».

Директор совхоза «Чистовский» Алексей Иванович  
Позлов был личностью незаурядной.

Несмотря на то, что приехал из Москвы с поста  
министра совхозов СССР, Алексей Иванович очень  
уважительно относился к своему нынешнему окру-  
жению, к главным специалистам хозяйства, управ-  
ляющим отделениями. Если даже кто-то из специ-  
алистов не справлялся со своими обязанностями,  
не выполнял конкретные задания, директор никогда  
не повышал голоса, ни в чем не упрекал. Алексей  
Иванович никого не унижал, как это часто делают

некоторые современные руководители. Он с большим уважением относился к рабочим — механикам, тракторам, животноводам отделений и отгонных пастбищ — очень хорошо понимал их нужды.

Если рабочие по какой-то нужде приезжали на центральную усадьбу из дальних отделений, то всегда знали, что на прием к директору обязательно пойдут, и просьбы их будут удовлетворены: А. И. Козлов труженикам никогда ни в чем не отказывал. Согласно законам бухгалтерии, работникам чаще двух раз в месяц (аванс и получка) деньги выдавать не полагалось, но наш директор, понимая положение обратившегося к нему человека, законами не прикрывался и помощь оказывал незамедлительно.

Именно поэтому чистовцы работали всегда с настроением, стараясь добиваться высокого качества своего труда. Бездельники и пьяницы не смели обращаться с просьбами к директору, им было просто стыдно.

В связи с тем, что А. И. Козлов приехал из Москвы с существенным понижением в должности, отдельные работники обкома и райкома партии старались при случае укусить его побольнее. Однако большинство разумных ответработников относились к нему с уважением, прекрасно понимая, как далек Козлов от этой мышины возни. Алексей Иванович был слишком мудрым человеком, чтобы тратить нервы и время на такое.

Я проработал в Чистовском совхозе всего три месяца и нечасто обращался к директору, но многому у него научился. Мне казалось, что Алексей Иванович видит людей насквозь, знает, чего от него хотят, понимает, как эффективно использовать способности



отшобивого человека или избавиться от людей двойливых, при этом не давая им повода для обид. И один из июльских дней меня пригласили в областной комитет партии. Беседу со мной начал заместитель заведующего орготделом Василий Яковлевич Плещцов. Затем со мной беседовали заведующий отделом Александр Михайлович Малявин и, наконец, второй секретарь обкома Музапар Даирович Широв. Речь шла о приеме на работу инструктором отдела сельского хозяйства. Через неделю бюро обкома утвердило меня на эту должность.

Оказалось, что в отделе были инструкторы по всем сельскохозяйственным специальностям, кроме инженеров. К тому же не было ни одного казаха. Впоследствии я стал думать, что рекомендовал меня на эту работу А. И. Козлов после партсобрания, в котором участвовал один из секретарей обкома. Я тогда выступил с конкретными предложениями по улучшению заготовки кормов и подготовки к уборке урожая, и, возможно, это сыграло свою роль.

На бюро обкома после недолгого обсуждения моей кандидатуры спросили, какие у меня есть вопросы. Я спросил: «Как будет с жильем?». Мне ответили, что *работники обкома партии без квартиры не живут*. Это сказал член бюро обкома председатель облисполкома Кузьма Захарович Подгорбунский. На бюро он сидел в вышитой украинской рубашке, без галстука. Я тоже пришел без галстука и свою ошибку осознал позже: галстук был обязательным элементом одежды партийного работника на таком, довольно высоком, уровне.

Заведовал сельхозотделом обкома Василий Ерофеевич Корчашкин – москвич, из первоцелинников,

приехавший в нашу область с должности первого секретаря Подмосковского райкома партии. Его заместителем был Виктор Федорович Бойченко, до того десяти лет возглавлявший Булаевский райком партии. Этот район включал в то время в себя территорию Булаевского, Возвышенского и Конюховского районов.

Все без малого четыре года своей обкомовской деятельности я работал в одном кабинете с инструктором по полеводству, агрономом по специальности. Евгенией Васильевной Чубаровой. С первых дней Евгения Васильевна относилась ко мне с уважением. Имея большой опыт работы в качестве помощника председателя облисполкома, Евгения Васильевна стала моей первой наставницей на новом месте.

Одно дело - хорошо знать всю сельскохозяйственную технику, принципы ее работы, организацию ремонтного дела и полевых работ, но как приложить эти знания здесь? Как я понял, это было совсем не просто.

Шли дни. Мой непосредственный руководитель В. Ф. Бойченко не торопил события, давая мне отдельные поручения, чтобы я мог постепенно освоиться и ознакомиться с работой отдела. Как потом я разобрался, дел было невпроворот, а меня загружали постепенно. В отделе были месячные и квартальные планы, утвержденные секретариатом, но текущая работа в некоторые месяцы перекрывала эти планы.

В конце июля направили в командировку в Пресновский район - сопровождать инспектора ЦК КПСС Василия Степановича Мерзлякова. Маршрут

... был составлен таким образом, чтобы через Явленку и Николаевку сначала засхать в Приишимский совхоз, а уж затем прибыть в совхоз «Пресновский».

Обком выделил для поездки старую автомашину «Победа», а асфальтированная дорога была проложена только до Явленки (это был 1959 год). Только выехали из Николаевки, как начался сильный дождь. Наша «Победа» по грейдеру медленно, но все же шла вперед. Когда до центральной усадьбы Приишимского совхоза осталось километров пять, машина начала буксовать все сильнее. К тому же обнаружилось, что водитель у нас недостаточно опытный, чтобы ездить по такой грязи. Нам с инструктором ЦК приходилось толкать машину. Последний раз мы забуксовали у самого въезда в совхоз, у березового колка. Василий Степанович отошел от машины к лесу, и я услышал его удивленные возгласы: оказалось, весь колкок был усеян грибами. Подберезовики — все свежие, попадался и белый гриб.

Добрались мы наконец до совхозной конторы, встретились с директором Андреем Васильевичем Донченко. Мы составили как бы примерный план двухдневного пребывания в совхозе.

Приишимский был многоотраслевым совхозом: крупно-рогатый скот, овцеводство, полеводство, крупная кроличья ферма (в то время кролиководство было в моде). Инспектора ЦК КПСС интересовали анализ производственной деятельности, производительность труда, урожайность полей, удои, привесы, окупаемость, темпы роста. Он раздал специалистам формы анализов, а сам с директором поехал смотреть производственные подразделения.

Донченко показал кроличью ферму – полуподземные сооружения с огромным поголовьем.

Он рассказывал о кроликах часами, Мерзляков задавал вопросы, а я был просто молчаливым слушателем. Я в то время еще толком не знал географию районов, совхозов, поэтому мое дело было слушать старших да на ус мотать.

Директор показал прекрасный совхозный сад, в котором было что показать и о чем рассказать: там росло много ягод, яблок, груш... Андрей Васильевич сказал, что предупредил сельских ребятишек, чтобы не лазали в сад воровать фрукты, а приходили и кушали досыта все, что им нравится. И это действительно было так.

В те годы еще не было крупных водопроводов, они только начинали строиться. И хотя прекрасные сады были в Чистовском, Токушинском, Киялинском, Петропавловском и еще нескольких совхозах, из-за недостатка воды тогда даже выращиванием овощей в наших местах не особо занимались.

(Вспоминаю, как директор совхоза «Чистовский» А. И. Козлов заботился о накоплении весенней воды. Рядом с садом находился котлован, и директор строго следил за тем, чтобы по мере таяния снегов вода наполняла его. В Чистовском совхозе во всех отделениях были такие котлованы. Они огораживались, наполнялись весенней водой и использовались для хозяйственных и питьевых нужд. За чистотой воды в них следили строго. В этом совхозе была скважина глубиной 1000 метров с высокоокисленной водой, поэтому на станции Зарослое всегда стоял вагон с питьевой водой из г. Петропавловска – для центральной усадьбы Чистовского.

Также же вагоны с питьевой водой находились в вагонах, на станции Карагуга.)

После долгих бесед с Донченко В. С. Мерзляков решил съездить в соседний Кызыл-Аскерский совхоз Приишимского района. (Был такой район с центром в Боголобове.)

Центральная усадьба совхоза «Кызыл-Аскерский» имела удручающий вид: всюду кучи навоза, непроходимая грязь, на дорогах глубокие ямы. В туалет, расположенный возле главной конторы, нельзя было не только зайти, но и подойти близко, дверь висела на одной петле...

Когда мы возвращались в Приишимский, Мерзляков сказал: «Какой туалет у директора совхоза, такое у него хозяйство!». Кстати, Кызыл-Аскерский совхоз в те годы был одним из самых отстающих по всем показателям хозяйств.

В те годы Приишимский совхоз относился к Пресновскому району. В. С. Мерзляков, видя, как я маюсь, не зная, что делать и что сказать, попросил: «Позвони первому секретарю райкома. Мы уже вторые сутки находимся в Пресновском районе, а они хоть бы что!». Я тут же позвонил Александру Васильевичу Долженко, и вскоре первый секретарь приехал за нами на новой автомашине ГАЗ-69.

После приезда Долженко мое положение несколько облегчилось. Он доложил инспектору ЦК КПСС обстановку в районе, долго с ним беседовал. Потом мы выехали в Пресновский совхоз, директором которого уже более тридцати лет работал Ларин. Я увидел в нем человека высокого интеллекта. Его домашняя библиотека состояла из нескольких тысяч книг. Ларин в то время был уже очень пожилым, но

весь вид его поистине дышал благородством. Да он и казался, болел, поэтому встреча проходила у него дома.

На третий день командировки мы прибыли в районный центр Пресновку. На правах хозяина первому секретарь пригласил нас в коммунальную баню. В те годы в районах еще не было гостиниц с саунами и душевыми, а в Пресновке не было даже пресной воды: после бани у нас у всех волосы стали, как у сжика шуба.

От этой поездки у меня осталось впечатление, что наш обком недооценил значение приезда инспектора ЦК КПСС. Следующие приезды В. С. Мерзлякова проходили уже на должном уровне. Приезжая в нашу область, Василий Степанович всегда приглашал меня к себе, расспрашивал о семье, работе, перспективах.

Впоследствии Центральный Комитет партии взял на учет несколько крупных совхозов нашей области («Чистовский», «Мамлютский», «Приишимский», «Пресновский», «Октябрьский», «Киялинский») и постоянно анализировал их производственную деятельность. На особом контроле были повышение производства всех видов продукции на ста гектарах пашни, экономическая эффективность. В. С. Мерзляков на основе анализа данных производственных показателей защитил кандидатскую диссертацию. Директора совхозов Донченко и Курапов получили высокое звание Героя Социалистического Труда, а Дворецкий был выдвинут на должность первого заместителя председателя Совета Министров Казахской ССР.

Вот таким было начало моей работы в сельхозотделе обкома партии. Приняли меня коллеги очень хорошо. Всего нас в отделе было восемь человек. Каждый из товарищей старался помочь новичку, дать ценный совет. Основным куратором был заместитель заведующего отделом Виктор Федорович Бойченко, человек требовательный, не терпевший расхлябанности и неисполнительности. Нарушения дисциплины Виктор Федорович пресекал на корню. (О) требовательности Бойченко ходили легенды. В обкоме было четыре секретаря, но все считали Бойченко пятым, неофициальным, секретарем. Некоторые руководители областного масштаба могли что-то доказывать, выдвигать в качестве оправдания за невыполненные поручения перед первым секретарем П. И. Журиным и другими секретарями, но с замком Бойченко никто не спорил, ничего не доказывал: данные им поручения всегда выполнялись в срок. Потому что его задания и поручения всегда были реальными, выполнимыми, ведь они исходили от человека, знавшего свое дело, твердо стоявшего на земле, с сорокалетним опытом партийной работы от самых низов до областного комитета.

Все проекты постановлений бюро или пленума обкома партии, проекты писем в ЦК КПСС, подготовленные им, никто не исправлял: они сразу шли на подпись первому секретарю.

В первые месяцы Виктор Федорович очень деликатно исправлял тексты моих справок или подготовленные мной по его поручению проекты. Он никогда не давал даже повода для обид, не в пример некоторым нынешним новоиспеченным руководителям больших и малых рангов, которые могут, не

разобравшись в ситуации, накричать на подчиненных: «Я всех выгоню! Всех уволю!». К сожалению теперь много желающих оскорбить своих безмолвных подчиненных, пользуясь тем, что люди боятся остаться без работы.

Моим руководителям днем, в рабочее время, некогда было заниматься новым сотрудником: бывали частые вызовы «наверх», прием руководителей из районов. Зато после 18-и часов - времени официального окончания рабочего дня - они садились со мной рядом и начинали редактировать документы.

Именно тогда я всерьез начал понимать значение слова. В предложении можно изменить суть мыслей до противоположного значения, заменив лишь одно слово. Как раньше говорили, «можно повесить можно к награде представить». Я всегда слушал своих наставников молча, усваивал, как серьезно надо относиться к подготовке документов, чтобы избежать лишних слов, а очень кратко, аргументированно изложить так, чтобы документ стал читаемым и понятным каждому, кто будет его читать. Я учился быть прилежным, никогда не торопиться при подготовке серьезных документов, продумывая все детали текста. Самое главное: что бы это ни было – справка на бюро обкома, проект решения или письмо, - никогда не ленись, переписывай до тех пор, пока не останешься сам доволен конечным результатом, ведь по сути вся эта работа была творческой.

Приходилось иногда по нескольку раз переписывать от руки десятки листов, ведь в то время практически не было печатающих, копировальных машин. Завотделом Василий Ерофеевич Корчашкин первые полгода моей работы по вечерам подолгу занимался со мной и учил, как правильно составлять докумен-



ны. Помню, что иногда, надолго задумываясь, он рисовал на чистом листе бумаги очень красивые римские головки...

Все эти люди были неугомонными тружениками. Однажды в апреле 1960 года В. Ф. Бойченко направил меня в командировку в Украинский совхоз Пресновского района для проверки готовности сельхозтехники к посевным работам. Так как была пора весеннего половодья, а автомобильных дорог еще не было, он объяснил мне, как быстрее туда добраться: поездом до г. Кургана, сделать пересадку на такой-то станции (забыл название), а оттуда и до нужного мне совхоза недалеко. Я так и сделал. В совхозе меня ждал инструктор райкома партии. Встретился я с секретарем парткома и директором хозяйства. Они сказали, что вся техника на полевых бригадах и, как показано в отчетах, все отремонтировано и к посевной готово.

Мы вчетвером (с нами еще главный инженер совхоза) на гусеничном тракторе с санями поехали на полевой стан. Трактора, плуги, культиваторы, бороны оказались не в лучшем состоянии, положение с техникой отчетам не соответствовало, и оправдываться директору перед нами было нечем.

На следующий день нам с инструктором райкома надо было ехать в Пресновку. Директор посоветовал сесть на ГАЗ-51, который направлялся с людьми в Пресновку. Только выехали, как машина застряла в грязи, и мы с коллегой пошли пешком по раскисшей дороге. Вечером дошли до центральной усадьбы совхоза «Джамбулский». Там я встретил знакомых шоферов из мехколонны №60 на вездеходах и с ними вернулся в Петропавловск.

Мы, ответработники обкома партии, в те годы ездили в хозяйства области на попутных машинах и не считали это зазорным. Времена были скромные. В восьмидесятых годах, например, ответственные работники на попутках уже не ездили, и скромность становилось чем дальше, тем меньше.

Моя сотрудница Е. В. Чуфарова часто рассказывала о директорах совхозов, о секретарях райкомов партии и других руководителях, объясняла, так сказать, кто есть кто.

Однажды рассказала о директоре совхоза «Ленинский» Советского района Иване Емельяновиче Зенченко. О том, что прежде он управлял трестом овцеводческих совхозов, и о том, как он скромный, трудолюбив, хорошо разбирается в сельском хозяйстве. И вдруг поступает анонимная жалоба, что якобы директор И. Е. Зенченко, отремонтировав машину «Победа», купил ее себе по дешевке. В ходе проверки этой жалобы я тоже убедился, насколько скромным был этот человек. «Победа» оказалась старой, отданной когда-то военным ведомством в сельское хозяйство. Машина уже, что называется, доброго слова не стоила, а авторы анонимки просто оскорбили доброго человека. Ивану Емельяновичу за его труд надо было в те годы новую «Волгу» подарить, а не за старую «Победу» укорять: он создал крупнейший совхоз на базе мелких разрозненных и разрушенных колхозов. Этот совхоз долгие годы был одним из передовых хозяйств по производству сельхозпродукции, получал высокие урожаи. Сам поселок, расположенный среди берез, был самым красивым поселком в регионе.

Однажды на меня сильно подействовал случай, когда на бюро обкома партии пожилого заслуженного директора совхоза освободили от должности, исключили из партии. (Первый секретарь отобрал партибилет тут же). В чем была вина директора, столь сурово наказанного? Оказывается, тракторист из его совхоза на тракторе С-100 за 80-100 километров ездил за водкой, в совхозной кассе была обнаружена недостача, а главбух сбежал.

Был и другой случай. Однажды в выходной день я был назначен ответственным дежурным в приемной первого секретаря обкома. У него в это время находился второй секретарь ЦК КП Казахстана Карибжанов, о котором тоже, кстати, рассказывала в свое время моя коллега. Карибжанов был нашим земляком, после окончания института работал на МТС в Мамлютском районе.

И вот звонок из Акмолинска, из Целинного крайкома партии. Спрашивают, когда Карибжанов планирует вылетать из Петропавловска, когда посылать за ним самолет. Я зашел в кабинет и сказал, что Акмола интересуется, когда гость будет готов к отлету. Карибжанов назвал дату, и я передал ее по телефону.

Через некоторое время Карибжанов вышел в приемную и спросил, кто я, как давно работаю в обкоме, и кто звонил из Акмолинска. На последний вопрос я ничего не мог ответить, потому что не поинтересовался, кто звонит. Он вежливо сделал замечание, мол, прежде чем отвечать, всегда надо спрашивать, кто интересуется сроками вылета секретаря ЦК. Скромность этого человека я увидел в том, что он свое замечание сделал не в кабинете первого секретаря обкома, дабы не задеть самолюбия молодого со-

трудника, а вышел в приемную и дал добрый совет, который я запомнил на всю жизнь.

Строгим и требовательным был второй секретарь обкома М. Д. Даиров. Однажды, пятнадцать лет спустя, в перерыве в работе Совета Министров он позвал меня к себе и похвалил, сказав, что обком партии приняв в 1959 году меня на работу, не ошибся. «Ты сегодня сделал очень хороший доклад на президиуме. И правильно сделал, что этого старого ворчуна на место поставил!» - сказал тогда он. Дело было в том, что, когда в ходе президиума я делал отчет, министр специальных монтажных работ Ежиков-Иванов ханов сделал мне какое-то замечание с места. Я его не оставил без внимания, сказав: «Уважаемый министр, я же не перечисляю, сколько делают приписок и брака ваши подразделения». И продолжил свой доклад. (Обычно такие перепалки в президиуме бывали только, когда его работу вел заместитель председателя, а не он сам.)

В те годы Северо-Казахстанскому обкому партии вносили предложения о строительстве в Петропавловске нефтеперерабатывающего и химического заводов, однако обком не давал согласия на это, так же как и на строительство автосборочного завода, который потом «ушел» во Фрунзе (Бишкек).

Промышленность и строительство курировал тогда секретарь обкома Николай Андреевич Борзов. Его большая заслуга в том, что это он добился в Москве строительства Петропавловской ТЭЦ-2, домостроительного комбината из сборного железобетона, крупного машиностроительного завода ПЗТМ. При нем между улицами Пушкина и Театраль-

... в Петропавловске появилось два первых сборных крупнопанельных дома.

В 1964 году мне предложили поехать на учебу в заочную партийную школу. Я предпочел Московскую, но произошли хрущевские структурные перемены, коснувшиеся и этой системы, и мне предложили ехать в Алма-Ату или Свердловск. Но так как эти партшколы принимали слушателей в основном со средним образованием, я учиться в них отказался и попросился на хозяйственную работу.

В том году в пяти областях Целинного края при областных объединениях начали создавать подрядно-монтажные управления (ПМУ) по комплексной механизации трудоемких процессов на животноводческих фермах. Принципы механизации мне были знакомы, и я с удовольствием согласился на новую работу. Проработав четыре года в обкоме партии, я уже четко знал структуру управления народным хозяйством региона, систему областного управления сельхозтехники, был знаком лично со всеми первыми секретарями райкомов, председателями райисполкомов, всеми руководителями областного и районных управлений сельского хозяйства, директорами совхозов и председателями колхозов.

Кстати, директора совхозов окончательно утверждались на должность после собеседования в ЦК КП республики и в Министерстве сельского хозяйства. Представление в ЦК КП Казахстана (по предложению управления сельского хозяйства и соответствующих райкомов партии) готовил сельхозотдел обкома. Эта кажущаяся сложной процедура утверждения кадров служила для осознания предстоящей ответственности у будущих директоров и исключала

такие безобразия, какие случались с назначением руководителей после отмены этой строгой системы. То, что кадровая политика была разумной и практически не давала сбросов, я могу показать на примере Полудинской МТС. Директор МТС Константин Семенович Лосев работал потом секретарем Полудинского райкома партии, вторым секретарем Северо-Казахстанского обкома, а на пенсию вышел в должности руководителя Джебказганского обкома партии. Иван Константинович Бобровицкий — главного инженера МТС дошел до должности начальника областного объединения Сельхозтехники и заместителя председателя облисполкома, управляющего автотрестом. Петр Михайлович Показаньев прошел путь от главного зоотехника МТС до секретаря райкома партии, а затем, до самой пенсии, возглавлял областное управление сельского хозяйства. Главный ветврач МТС Борис Васильевич Изосимов был позднее директором совхоза, первым секретарем райкома партии.

Владимир Тимофеевич Степанов был директором Асановской МТС, а на заслуженный отдых ушел с поста первого секретаря обкома партии. Бригадиры тракторных бригад Мартын Мартынович Диркс, Иосиф Иванович Миллер стали потом директорами крупных совхозов «Токушинский» и «Карагандинский», получили высокое звание Героя Социалистического Труда.

Это я к тому, какой серьезной была в то время система подготовки кадров руководителей. Но вернемся к рассказу о моем новом назначении.

Итак, я снова на производстве — участок очень интересный для меня с инженерной точки зрения.

стал первым начальником ПМУ, пришлось создавать все с нуля. Для размещения управления было отведено бывшее здание махорочной фабрики. От махорочной фабрики остались кузница, помещение столярной и склады открытого хранения. Но меня предупредили, что оборудование трогать нельзя, так как махорочная фабрика законсервирована и является резервным объектом Министерства обороны СССР. Я горячо написал письмо в Минобороны с просьбой разрешить демонтаж оборудования в основном помещении для создания собственной базы нового управления. В ответ получил строгий приказ ничего не трогать. Пришлось смелого рискнуть и оборудование демонтировать, аккуратно складируя его на хранение.

Постепенно мы создали свою базу, приобрели токарный станок, резьбонарезной станок для изготовления стенов, умельцы изготовили трубогибочный и трубоотрезные станки. Все это необходимо было в первую очередь для установки автопоилок на животноводческих фермах.

Перед нашим управлением была поставлена задача осуществить в первую очередь механизацию действующих коровников в Петропавловском и Мамонтовском совхозах. В эти помещения надо было смонтировать оборудование, чтобы облегчить труд животноводов. Главным инженером ПМУ был назначен Михаил Михайлович Герасименко, имевший опыт работы на производстве и в промышленности, и в сельском хозяйстве.

Это были годы, когда только-только создавалась отрасль сельскохозяйственного машиностроения, и были организованы, в порядке эксперимента, пять

ПМУ в Союзе, в Целинном крае, имевшем достаточно средств и техники. К тому же в руководстве Целинного края было достаточно молодых энергичных инженеров, которые и выступили инициаторами нового дела.

Мы, группа инженеров ПМУ и областного объединения Казсельхозтехники (председатель И. К. Бобровицкий), первоначально определили перечень техники, которую будем монтировать: ленточный комматордатчик ТВК-80, навозотранспортеры ТСН-3 автопоилки и доильные аппараты, а затем молокопроводы. Первоочередными объектами по договоренности с директором Петропавловского совхоза Иваном Никифоровичем Горбуновым определили животноводческие фермы, расположенные в селе Якорь, а в Мамлютском совхозе — в селе Белом, а затем в Калугинс. Чтобы начинать монтажные работы, надо было иметь проекты и смету, открыть финансирование в банке. Ничего этого у хозяйств-заказчиков не было. Поэтому мы, по согласованию с областным объединением, были вынуждены создать собственную проектно-сметную группу. Эта группа срочно по месту монтажа создавала проект, смету и с главными бухгалтерами совхозов начинала финансирование работ. Но по этим работам еще не было нормативов и расценок, и ПМУ, ориентируясь на существовавшие тогда нормативы, создавало собственные, согласовывало их с заказчиками и вводило в действие. Ждать, пока новые нормативы создадут в республике и стране, не было времени. Наши молодые инженерно-технические работники Л. Малеев, В. Кержнер, Ледяев ничего не ждали, все разрабатывали сами. Руководители хозяйств Горбунов,



Дворецкий, Пенчук отнеслись к этому скептически, но не мешали, и в силу своих возможностей поддерживали нас. Когда в 1965 году был закончен полный комплекс механизации коровников в Ягоре и Белом, директорам совхозов и животноводам это очень понравилось. Были организованы областной семинар, а затем республиканское совещание «О путях механизации трудоемких процессов в животноводстве». Инженерам и руководителям совхозов, приехавшим за опытом из всех областей Казахстана, была показана механизация на деле. По итогам республиканского семинара такие ПМУ были созданы во всех областях, а при республиканском объединении «Казсельхозтехника» создано главное управление по механизации трудоемких процессов на сельскохозяйственном производстве. Эти ПМУ в последующие годы начали заниматься монтажом механизированных токов и оборудования по подготовке витаминных трав, обслуживанием холодильных установок.

Опыт Целинного края поддержало Всесоюзное объединение «Союзсельхозтехника» и стало оказывать серьезную помощь в разработке нормативных документов и комплектации оборудования. Комплексно-механизированные животноводческие фермы в совхозе «Петропавловский» посетили председатель Целинного крайисполкома Мацкевич и начальник Всесоюзного объединения «Союзсельхозтехника» А. А. Ежевский.

Александр Александрович пообещал поддержать область достаточным количеством оборудования для комплексной механизации животноводческих ферм. Поэтому я впервые в 1965 году ездил в Москву в

объединение «Союзсельхозтехника» добиваться фондов для области.

(Интересно, что эти мои поездки в Москву продолжались еще 25 лет, до 1990 года: я ездил в столицу на бюджетными средствами для магистральных водопроводов, за машинами, механизмами, оборудованием, автотранспортом...)

Для нас, первых руководителей ПМУ, были организованы пятидневные семинары в Москве и Московской области. Мы слушали лекции в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, посетили крупнейшую птицефабрику на Ленинских горах-2, Останкинскую свиноводческую ферму, где одновременно на откорме на пищевых отходах столицы было более 250 тысяч свиней. Нам показали и коровник подмосковного совхоза за Каширским шоссе. В этих хозяйствах были механизированы полностью все процессы: кормление, доение, поение, уборка навоза.

В 1966 году все начальники ПМУ из Казахстана и некоторых областей РСФСР были в Латвии в г. Алуksне, где учились вести монтаж молокопроводов собственноручно. Для ведения монтажных работ, а впоследствии части строительных работ, в ПМУ были созданы монтажные бригады из 5-6 человек. В состав бригад входили слесарь-сантехник, газосварщик, шофер-монтажник (бригаде выделялись автомашина с комплексом оборудования для ведения монтажных работ), электромонтажник, слесарь и плотник. Бригаде выписывался аккордно-премиальный наряд на один коровник для полной механизации с указанием объема работ и расценок. Обычно объем работ по одной ферме превышал ме-

срочный срок. Наряд полностью оплачивался только после приемки акта госкомиссией, после прокрутки и пуска оборудования в работу.

Комплексной бригаде до полного окончания работ и сдачи объекта выдавался аванс в размере 50 процентов. Но даже при 100-процентном окончании всех монтажных работ не получала всей суммы оплаты, если объект не был сдан госкомиссии по акту в рабочем состоянии. Установление такой системы оплаты труда способствовало ускоренному и качественному завершению объекта. В первое время монтажные бригады ждали, когда совхоз-заказчик подготовит свою часть дел под монтажные работы. Однако в хозяйствах хватало своих забот, и они, как правило, затягивали подготовку надолго, а монтажники из-за отсутствия фронта работ простаивали. В дальнейшем многие монтажные бригады сами стали выполнять строительные работы и таким образом перестали зависеть от кого бы то ни было. Позже, когда в широком масштабе начали строить новые животноводческие фермы, механизацию трудоемких процессов стали закладывать в проект нового строительства.

Уже в 1966-1967 годах ПМУ «Казсельхозтехника» начало вести монтажные работы как субподрядчик у сельских строителей и у строительно-монтажных поездов СМП-307 треста «Омсктрансстрой». (Кстати, позже контакты с крупными сельскими строителями и Омсктрансстроем мне помогли успешно освоить строительство жилья и производственной базы ПМУ и еще позднее: когда я работал в тресте «Союзцелинвод».)

Небольшая производственная база ПМУ на табачной фабрике уже не удовлетворяла растущих объемов монтажных работ во всех двенадцати районах области. Значительному росту объемов работ способствовало то, что во всех районах и райцентрах были созданы монтажные участки, расположенные, как правило, при районных объединениях «Сельхозтехники», под их попечительством и контролем. Через год мне как начальнику областного ПМУ также были даны полномочия заместителя председателя областного объединения «Казсельхозтехника», что тоже способствовало увеличению объема механизации животноводческих ферм, улучшению качества их работы. К тому же эти универсальные комплексные монтажные бригады помогали районным объединениям «Казсельхозтехника» в ведении строительства собственных объектов хозяйственным способом, вели для них сантехнические и электромонтажные работы. Всего в районах работало более 40 комплексных мобильных бригад и 6-8 бригад в г. Петропавловске, которые в основном вели монтажные работы в целинных районах области, где не хватало людских ресурсов. Монтажные бригады накопили большой опыт работы по обеспечению водой животноводческих ферм. Там, где были скважины и водонапорные башни, бригады ПМУ стали прокладывать небольшие водоводы до коровников и варили установки в помещениях емкости суточной потребности, соединяя их с автопоилками. Это делалось для того, чтобы вода имела температуру внутренних помещений. Там, где не было башен, научились устанавливать небольшие башни Рожневского емкостью 10-25 кубических метров.

В колхозе имени Ленина (село Вагулино) Соколовского района по просьбе председателя колхоза А. Киселева построили водопровод от реки Ишим. Хотя было очень трудно со строительством отпускного колодца, энтузиасты ПМУ при активной помощи председателя колхоза водопровод построили, и колхоз пользовался им десятки лет.

Бригады монтажников ПМУ провели отопление в десятках клубов и медпунктов. А в 1966 году на нас также возложили ремонт и техническое обслуживание всех видов холодильных установок во всех совхозах и колхозах области. ПМУ оказались по плечу все эти работы.

Успешно справлялись со своими обязанностями начальники участков Александр Лобанчук (Булаевский район), Юрий Грудинин (Пресновский район), Федор Лягушин (Ленинский район).

У меня были очень долгие душевные беседы с Федором Лягушиным, который был почти в два раза старше меня. Он рассказывал о жизни и работе старших механиков МТС во время войны, вспоминал о том, как, работая стармехом Суворовской МТС Булаевского района, ездил зимой в Петропавловск за запчастями на быках, лошадах, как говорится, голодный и холодный...

В последние годы перед моим уходом на ПМУ был также возложен монтаж зерноочистительных агрегатов, то есть механизация зернотоков.

В июне 1967 года в связи со скоропостижной кончиной бывшего начальника мне предложили занять должность начальника областного управления мелиорации и водного хозяйства. Имея специальность инженера-механика, и несмотря на то, что 6 лет ра-

ботал на МТС, я сказал, что новая работа мне всем не знакома. На что получил ответ: «Освоишь как надо». Так как эта должность была номенклатурой ЦК КП Казахстана, меня направили на собеседование туда. Перед тем, как ехать, пошел в библиотеку, чтобы узнать, что означает слово «мелиорация». А что такое *орошение* и *водное хозяйство*, я знал. В сельхозотделе обкома, по-прежнему родном для меня, узнал, сколько в области гектаров орошаемых земель, обводненных пастбищ. Узнал о начале в области строительства крупных магистральных водопроводов.

В Алма-Ате в первую очередь посетил министра мелиорации и водного хозяйства Султана Момоноваича Сарсембаева, человека с золотым характером, светлым умом, практически создавшим это республиканское министерство и все службы в областях.

После знакомства и недолгой беседы он объяснил порядок прохождения собеседования в ЦК. В Центральном Комитете я зашел в отдел сельского хозяйства и побывал на приеме у инструктора по кадровым вопросам. Тот пригласил инструктора из отдела специализации, а затем пошел ко второму секретарю ЦК Георгию Андреевичу Мельникову, ведавшему сельским хозяйством. Ознакомившись с моим личным листком, Мельников задал вопрос типа: «Что ты скажешь с места на место, как Чапай?». Я тут же ответил, что не хотел переходить на эту должность, но меня все равно направили на собеседование в ЦК. Он ответил: «Мы сами решим, ты свободен». Я вышел из ЦК, пошел в кассу аэропорта, купил билет в Петропавловск и позвонил министру С. М. Сарсембаеву. Сказал, что я не понра-

ишлся Мельникову, поэтому уезжаю домой. Султан Момонович велел сдать билет и прибыть в министерство. Он сказал, что уже договорился о моем назначении с товарищами Н. А. Болатбаевым, председателем облисполкома, и В. Т. Степановым, который уже работал секретарем обкома по сельскому хозяйству. Министр сказал: «Будешь работать начальником областного управления мелиорации и водного хозяйства» и рассказал, чем в первую очередь заняться по возвращении домой.

Надо было на местах ознакомиться с состоянием орошаемых земель, с подготовкой к поливу (было уже начало мая) обводненных пастбищ, ходом строительства и подготовкой проектно-сметной документации по Пресновскому магистральному водопроводу и так далее. То есть программа была более чем достаточная. Не дожидаясь приказа министра о назначении, меня пригласили на региональное совещание представителей Урала, Сибири, Востока и Северного Казахстана по мелиорации и орошению земель, проводившееся министром Евгением Евгеньевичем Алексеевским в Тюмени 5-7 мая 1967 года. Союзное министерство, возглавляемое Алексеевским, было создано только в 1966 году после известного Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мелиорации земель».

На это совещание мы ездили с Александром Петровичем Рыбниковым, заместителем заведующего сельхозотделом обкома, и главным агрономом областного управления сельского хозяйства Геннадием Николенко, одним из грамотнейших агрономов времени освоения целинных и залежных земель.

На этом совещании я познакомился с министром

Е. Е. Алексеевским, до этого возглавлявшим управление мелиорации и водного хозяйства при Министерстве сельского хозяйства СССР. Это был прекрасный человек, Герой Советского Союза, инженер-протехник по специальности. С ним нам довелось потом встречаться не раз.

А на совещании речь шла об орошении земель, и на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке в основном под овощные культуры, о поливах ранней весной для ускорения оттаивания земель и осеннем поливе о нормах полива и осушении болот для выращивания кормов для животноводства.

Неожиданно участие Северо-Казахстанской делегации в этом совещании для нашей области принесло большую пользу в несколько другом направлении.

Участникам совещания в столовой предлагали свежие огурцы, помидоры и ароматный суп из шампиньонов. (А было, напомню, начало мая, и находились мы в Тюмени, а не где-нибудь на солнечном юге). В конце концов, мы были вынуждены обратиться к организаторам с вопросом, откуда, мол, эти свежие овощи и грибы? Оказалось, у них в Тюмени рядом с ТЭЦ усилиями городских организаций построены теплицы! Для нас организовали экскурсию в теплицы, и мы своими глазами увидели, как там выращивают овощи.

Было решено по прибытии домой информировать об этом первого секретаря обкома Василия Петровича Демиденко. После нашего доклада делегация с проектировщиками из Петропавловска во главе с секретарем горкома партии Тауфиком Галеевичем Мухаммед-Рахимовым вылетела в Тюмень.



И в 1968 году в Петропавловске на территории между ТЭЦ-2 и заводом Ленина, с участием всех городских организаций, заводов и строительных управлений была построена первая крупная теплица, которая потом много лет обеспечивала детские сады, школы и больницы ранними овощами. Ведь в те годы еще не было предприимчивых людей, которые бы завозили овощи из Узбекистана, Киргизии и других южных республик.

В строительстве первой теплицы также принимало активное участие ПМУ «Казсельхозтехника», полностью построившее одну секцию. В восьмидесятые годы из созданного мною ПМУ отделились еще два строительного-монтажных подразделения: один в Петропавловске, другой в Сергеевке.

Во время работы начальником областного управления водного хозяйства я столкнулся с одной проблемой, имевшей серьезные экономические последствия. Строительство крупных магистральных групповых водопроводов по аналогии с крупными нефтегазопроводами имело основной задачей доставку питьевой воды в безводные районы от основных ее источников – рек Тобол, Ишим, Иртыш. Решение этой задачи взяли на себя союзные власти: с начала Мингазпром СССР, а с 1967 года – новое Министерство мелиорации и водного хозяйства. Я был свидетелем решения этих глобальных проблем.

Основной задачей облводхоза являлось обустройство небольших площадей орошаемых земель (от 50 до 150 гектаров) в основном для выращивания овощных культур, а в последующие годы и картофеля, в хозяйствах, расположенных вокруг областного центра (Мичурино, Озерный, Бишкульский, Ново-Ка-

менский, Заречный и других). Всего орошаемых земель в области было гектаров 400-500. Следующей задачей были подготовка проектов и выполнение заказов на строительство обводненных пастбищ. Схема заключалась в том, чтобы воду из источника направлять в емкости и соединять с длинным земляным корытлом – для нужд летних пастбищ обводненных таким образом пастбищ было около 10 тысяч гектаров.

К 1967 году в области уже шло к концу строительство Ишимского магистрального группового водопровода, который обеспечивал питьевой водой частные совхозы Октябрьского (Сергеевского), Пресновского районов Северо-Казахстанской области, полностью все хозяйства крупнейших Карасуского, Урицкого и частично Ленинского районов Кустанайской области, районный центр Куйбышево и десяток сельских населенных пунктов Кокчетавской области. Общая протяженность этого первого крупного магистрального водопровода составляла 1700 километров. К нему было подключено 180 поселков трех областей. Первым заказчиком Ишимского группового водопровода стал Северо-Казахстанский облводхоз. Будучи начальником облводхоза, я входил в правительственную комиссию, которая принимала комплекс строительства Ишимского магистрального водопровода. В этот же период велось большими темпами строительство еще одного крупного Булаевского магистрального группового водопровода. Были начаты проектные работы по Пресновскому магистральному групповому водопроводу. Таким образом, по инициативе первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунае-

...и правительства республики, создавался непрерывный цикл опережающего проектирования и строительства магистральных групповых водопроводов и начато их строительство.

Вопросы обеспечения качественной питьевой водой сел целинных областей неоднократно обсуждались московскими и казахстанскими учеными, и по результатам обсуждения, на базе имеющихся уже гидрогеологических исследований, было решено начать строительство крупных магистральных групповых водопроводов от рек Тобол, Ишим, Иртыш, и тогда же предусмотрено строительство Сергеевского водохранилища многолетнего регулирования объемом до 800 миллионов кубометров.

Совет Министров СССР строительство крупных магистральных водопроводов, не имеющих аналогов в мире, поручил Всесоюзному комитету газовой промышленности (впоследствии – Министерству по строительству нефтегазопроводов). Министром нефтяной и газовой промышленности был Василий Алексеевич Картунов. Генеральным проектировщиком утвердили Всесоюзный научно-исследовательский проектный институт СоюзГипроводхоз (г. Москва).

Генеральным подрядчиком по строительству магистральных групповых водопроводов стал трест «Уралнефтегазстрой» Мингазпрома, расположенный в Челябинске. В период интенсивного строительства первых двух - Ишимского и Булаевского - магистральных групповых водопроводов для регулирования взаимоотношений между заказчиком и подрядчиком и организаций эксплуатации в начале 1960 года была

создана дирекция строящихся водопроводов в Ишимском и Прохоровском районах. В Ишимском районе дирекция располагалась в Прохоровске на улице Крепостной (за Дворцом культуры и спорта, за гетиков).

Позже на базе этой дирекции Мингазпром создал трест «Союзцелинвод».

Мне, кроме строительства орошаемых земель и обводнения пастбищ, было поручено разбираться со строительством внутрипоселковых сетей в более чем 50 населенных пунктах на территории области, куда уже были подведены магистральные водопроводы от Ишимского и Буласвского водопроводов.

Магистральными потому и назывались крупные водопроводы, что была поставлена задача: принести чистую для питья воду подвести к каждому населенному пункту. Строители, как было предусмотрено первоначальным проектом, подводили к селу магистральный водовод, выставляли так называемый «мусак» (трубу с задвижкой) и утепляли его. Можно было открывать задвижку, и вода под давлением до 10 с лишним атмосфер била фонтаном, а по дворам и животноводческим фермам воду развозили на тракторах и автомашинах. Это было очень неудобно, особенно в зимнее время.

Поэтому облводхозу срочно нужно было заказывать проектно-сметную документацию на строительство внутрипоселковых сетей с башнями с резервом суточных запасов, водоразборными колонками на улицах. В области тогда еще не было института по проектированию внутрипоселковых сетей, не было их и в Алма-Ате.

Первые проекты составлялись на Украине, и была допущена серьезная ошибка: предусмотрена заклад-

ка водопроводов на глубину 1,5 метра. По этой причине первые водопроводы, построенные в Тимирязевском районе, часто промерзали, ведь в условиях Северного Казахстана почва промерзает на глубину до трех метров!

Эти условия были учтены московскими проектировщиками при строительстве магистральных водопроводов, и таким образом удалось избежать неприятностей в начальной стадии строительства.

Уже в начале своей работы начальником облводхоза мне пришлось вникать в суть проблем строительства внутрипоселковых сетей, создания грамотных проектов.

Следующая проблема: качество строительства внутрипоселковых сетей, мягко говоря, оставляло желать лучшего. К началу моей работы в области уже было построено около 400-500 километров этих сетей, но они в большинстве своем не работали из-за низкого качества и незаконченности, а средства на их строительство строителями уже были израсходованы. А строительством сетей, скважин и шахтных колодцев в то время в области занималось единственное СМУ «Казводстрой», когда еще не было Министерства мелиорации и водного хозяйства, подчинявшийся «Казглавводстрою». По моей инициативе была создана областная комиссия, которая выезжала в каждое хозяйство и изучала на месте ситуацию с этими некачественными и недостроенными сетями. По результатам работы комиссии люди, допустившие брак в большом объеме, были освобождены от работы.

В Петропавловске был создан трест «Петропавловскводстрой», и его управляющим по рекомендации

первого секретаря горкома партии назначили Павла Григорьевича Старыгина, главного инженера городского СМУ, строившего водопроводы, канализационные и тепловые сети в областном центре. Новый трест стал набирать более высокие темпы строительства внутрипоселковых сетей и резко улучшать их качество. Были созданы группы технологических контролеров, и вновь созданная областная комиссия по приемке объектов тоже ужесточила требования. Ни один объект, пока работы не закончены в полном комплексе и не прошло испытание в рабочем режиме, комиссией не принимался, и работы не оплачивались. Раньше было так: сколько трубу укладывалось, столько и оплачивалось, а рабочее испытание затягивалось на несколько лет.

Позже, уже в 1970 году, трест «Петропавловскводстрой» был реорганизован в трест «Спецводопроводсельстрой» и приобрел статус союзного. Новая организация заменила строителей треста «Уралнефтегазстрой» на строительстве магистральных водопроводов и увеличила объемы строительства комплекса внутрипоселковых сетей в несколько раз.

Расскажу об одной неприятной ситуации, которую пережили руководители и коллектив водохозяйственных систем наших северных областей.

Государственным стандартом (СНиП) на строительстве орошаемых земель укладка напорной части водоводов (трубы были асбоцементные, чугунные) предусматривалась на глубине 1,5 метра. Проектировщики, как правило, строго придерживались СНиПов, и строители согласно проекту напорные водоводы укладывали на эту глубину. Осенью насосные станции с электрооборудованием снимали с объек-

на (то есть с берега реки) и ставили на зимнее хранение. А когда только что посаженные овощи надо было поливать, после монтажа насосной станции и пуска воды на напорных водоводах обнаруживалось несколько десятков порывов. А время полива овощей проходит! И виноватыми, конечно, оказывались водники. По этой причине в Кустанайской и Акмолинской областях дважды меняли первых руководителей облводхозов. Мне первый год трудно было поливать, в чем тут дело. Опытные инженеры советовали осенью продувать и плотно закрывать всю систему. Не помогло: весной опять обнаруживались порывы. На юге, где орошением занимались в больших масштабах, таких казусов не было, так как почва не промерзала до глубины полутора метров, предусмотренной ГОСГОМ (СНиПом). Пришлось волшебным решением мне как заказчику заставить проектировщиков предусмотреть закладку напорных труб на глубину до трех метров, то есть на глубину промерзания почвы. А это влекло за собой значительное увеличение затрат. К тому времени в области уже была своя проектно-сметная группа при облводхозе, которую в то время возглавлял инженер-водник Николай Федорович Кряжевских. Судьба сложилась так удачно, что мне с ним довелось работать еще долгие годы.

И еще один особый случай.

Те годы были десятилетием маловодья, а строительство Сергеевского водохранилища еще не было закончено. Большими темпами возрастало потребление воды в Петропавловском: расширялись заводы, началось строительство многоэтажного благоустроенного жилья, начала действовать ТЭЦ-2.

А по расчетам специалистов облводхоза прогнозировалось, что работающие Ишимский, Булаевский магистральные водопроводы и Петропавловский городской водозабор в зимний период могут остаться без воды: на зиму Ишим на перекатах может замерзнуть.

Эти расчеты были составлены в августе. Советским полком принял решение о строительстве временных плотин с тем расчетом, чтобы в трех водозаборах воды хватило до весеннего паводка. Такие плотины были построены на Ишимском и Булаевском водопроводах трестом «Союзцелинвод». Контроль за темпами строительства и эксплуатации плотин был возложен на облводхоз. А в городе их построил горкомхоз, городские строительные организации. Организовывал и жестко контролировал ход строительства городской плотины Т. Г. Мухаммед-Рахимов, в то время председатель горисполкома. В период ледостава у городской плотины произошел срыв верхней части, но опять же благодаря оперативному вмешательству Тауфика Галеевича плотина была восстановлена.

Зима 1968-1969 годов была очень холодной. Начиная с 7 ноября стоял мороз 25-30 градусов, в отдельные дни доходя до минус сорока. Большие хлопоты доставила нам плотина на Булаевском водопроводе у села Красная горка. Пропуск на этой плотине был сделан сифонным методом из двух пяти-сотмиллиметровых труб. (Автор сифона - главный инженер Булаевского водопровода Э.Э. Рсммих.) Этот сифон часто срывался, и не было пропуска воды вниз. Инженеры облводхоза были вынуждены часто разбираться с работниками Булаевского водопровода, пытаясь установить причины ЧП.



В конце концов выяснилось, что сифон срывали... любители рыбалки. Дело в том, что в месте открытого сброса воды с плотины собиралось много рыбы. Сорвав сифон, рыбаки черпали рыбу ведрами и буквально голыми руками. Пришлось нам организовать дежурство у плотины.

В Петропавловске на начало апреля воды оставалось до оголовка водозабора сантиметров на 8-10, и если бы весенний паводок затянулся еще на несколько дней, город остался бы без воды. Но природа спасла: два дня, 6 и 7 апреля, шли ливневые дожди, Ишим раскрылся, и город был спасен!

Были еще случаи, связанные с пехваткой воды в городах Петухове и Мамлютке.

Маловодные годы лишили питьевой воды эти два малых города, имевших водозабор из местных озер. Озера высохли, оставив города без воды. В первую очередь надо было решать проблему с обеспечением водой мамлютчан. Тем более что проблема возникла зимой. По предложению специалистов облводхоза, было решено построить в Мамлютке более сорока шахтных колодцев и организовать подвоз воды водовозами из Петропавловска.

На перспективу рассматривалось два варианта: построить водовод из нашего областного центра или из Петухова Курганской области.

К тому времени ускоренными темпами строился крупный водовод: река Ишим (с. Петровка Ленинского района) – Пресновка – Богатое и далее. Все же был построен водовод из Петухова, прослуживший более 15 лет.

Строительство водовода в Петухове было более сложным. В то время заказчиком по финансирова-

нию крупнейшего Пресновского магистрального водопровода был облводхоз, и только он мог включить в план досрочное строительство водовода в Петухово. Обком КПСС и облисполком Курганской области обратились к руководителям Северо-Казахстанской области с просьбой дать согласие на финансирование этого объекта, и согласие это получили. Однако надо было еще добиться включения в план подрядной организации Мингазпрому, а этот вопрос решался только в Москве. Делегация из четырех человек (председатель Курганского облисполкома Махнев и второй секретарь обкома КПСС по строительству Н. Н. Брызгин, первый заместитель нашего облисполкома Л. В. Бабин и я) вылетела в Москву.

Проблемой было добиться обоюдного согласия двух министерств – Министерства мелиорации и водного хозяйства (как заказчика) и Мингазпрома (подрядчика). Сложность решения вопроса заключалась в том, что досрочно надо было построить 140 километров магистрального водовода и насосную станцию в Пресновке. Общая стоимость превышала несколько миллионов рублей (по сегодняшним меркам, более миллиона долларов). Поэтому курганским руководителям пришлось обращаться к своему земляку – председателю парткомиссии Сизову, чтобы тот подействовал организации приема у первого заместителя председателя Совмина СССР Дмитрия Степановича Полянского. Д.С. Полянский внимательно выслушал курганцев и сказал: «Уважаемые товарищи, кто же строит город там, где нет питьевой воды? Правительство готово выделить средства на строительство такого небольшого города на новом месте.» Курганцам пришлось объяснять, что город

пожился исторически как крупная железнодорожная станция, а интенсивный его рост пришелся на последнее время. После этого состоялся разговор Полянского с министрами Е.Е. Алексеевским и В.А. Кортунным, и оба министра дали согласие на ускоренное строительство водовода на г. Петухово. Одно условие поставил министр Кортуннов: чтобы в течение двух лет новое Министерство водного хозяйства СССР создало собственные подрядные организации по строительству водопроводов. Он предложил передать несколько своих подрядных строительных организаций и трест «Союзцелинвод», являющийся заказчиком по строительству и эксплуатации магистральных групповых водопроводов в Казахстане.

Минводхоз СССР в том же 1968 году принял от Мингазпрома трест «Союзцелинвод», но замешкался с приемом подрядных строительных организаций, которые уже несколько лет строили водопроводы в Северо-Казахстанской и Акмолинской областях. Это были СМУ-4 в Петропавловске и СУ-2 в Кургане, строивший Ишимский водопровод в нашей области и Нуринский водопровод в Акмолинской области.

Работая начальником облводхоза с 1967 по 1969 годы, я постепенно узнавал систему строительства и управления магистральными водопроводами.

В 1968 году в Минводхозе создали управление по строительству и эксплуатации сельских водопроводов. Начальником был назначен Эммануил Васильевич Марков.

В начале 1969 года вновь созданное Союзглавсельхозводоснабжение приняло в свой состав трест «Со-

юзцелинвод» от Мингазпрома СССР.

Бывший управляющий трестом Г. С. Янковский в связи с несложившимися личными отношениями с руководителями области и начальником треста Главка Э. В. Марковым, уволился и выехал за пределы области.

И 25 октября 1969 года, по представлению Северо-Казахстанского обкома партии и облисполкома ЦК Компартии Казахстана, Совет Министров республики, Минводхоз СССР утвердили в должности управляющего трестом «Союзцелинвод» меня. Начальник Главка Э. В. Марков провел со мной беседу о первоочередных задачах и пообещал вскоре приехать и более детально ознакомиться с делами треста, так сказать, на месте.

Он прилетел в Петропавловск из Акмолинска по решению о вхождении в состав треста Нурипского управления эксплуатации водопроводов с исполнением функций заказчика и эксплуатации. Руководителем этим управлением опытный специалист, имевший к тому времени 30-летний опыт работы по водоснабжению Акмолинской железной дороги, Тимофеев. Он охотно делился своим богатым жизненным и профессиональным опытом, хорошо знал авторов проектов многих крупных водопроводов, работавших во всесоюзном институте Союзгипроводхоз.

В первый приезд руководителя Главка состоялся разговор о создании крупной промышленной и ремонтной базы для магистральных водопроводов. Имелось в виду строительство в Петропавловске специализированного завода ЖБИ по выпуску унифицированных изделий для сборки резервуаров чистой воды (РЧВ), полносборных железобетонных

могровых колодцев, а также железобетона для строительства жилья. Предусмотренный объем промышленной продукции составлял 25 миллионов рублей в год. И второе предложение: строительство ремонтно-механического завода для строительных и эксплуатационных организаций, очень нуждавшихся в металлических полносборных водонапорных башнях от 25 до 100 кубометров и в водоразборных колонках.

(Наш Петропавловский ремонтно-механический завод единственным в СССР освоил серийный выпуск буровых машин для разработки мерзлых грунтов глубиной до двух метров. Эти машины поставлялись по всей стране: в Якутию, Узбекистан, Туркмению, Таджикистан, Украину, Подмосковье. В южных республиках они использовались для разработки каменистых грунтов под укладку водопроводов.)

Начальник Главка Марков решил вопросы финансирования проектно-изыскательских работ для промышленно-производственных баз, на проектирование которых уходят годы. Необходимо было определить генерального подрядчика на строительство этих объектов уже на стадии проектных работ.

Э. В. Марков посетил не имеющие аналогов в мире действующие Ишимский и Булаевский магистральные водопроводы. Кстати, они были продемонстрированы на ВДНХ СССР и на Международной выставке в Австралии. Объекты были новые, содержались на высшем техническом и санитарном уровне. Было принято решение уже в начальной стадии об их модернизации и автоматизации, решен вопрос о финансовой поддержке этих мероприятий.

На перспективу рассматривались вопросы строительства в поселках водопроводчиков детских са-

дов, школ, столовых, магазинов, спортивных комплексов. Объекты соцкультбыта не были включены в проектно-сметную документацию на строительство водопроводов (только жилье), а, как правило, комплексы главных водозаборных сооружений строились обособленно от поселков. Теперь на перспективу при строительстве водопроводов в проекте и смете предусматривались все жизненно важные объекты вплоть до асфальтированных дорог.

Совместно с руководителями водопроводов проводилось озеленение и благоустройство жилых поселков. Когда я бывал на территории производственных объектов и поселков, то на собраниях обязательно требовал озеленения и содержания в чистоте и порядке всей территории.

Строгий порядок и чистота поддерживались на всех семи участках и на территории головных сооружений Булаевского водопровода, расположенных в семи районах двух областей. Начальником Булаевского управления водопроводов в течение 25 лет работал Василий Ильич Ссмионенко, который сам был очень дисциплинированным человеком и требовал того же от своих подчиненных.

Булаевское управление по праву называли «кузницей кадров» для подразделений треста и для всей системы управления Союзглавсельхозводоснабжения. При этом управлении была создана школа по изучению передового опыта эксплуатации крупных магистральных водопроводов, ведь наши объекты строились быстрее, чем мы успевали подготовить кадры специалистов. Поэтому для Булаевского управления были созданы определенные условия: общежитие-гостиница для приезжающих учиться, сто-

ювые. Первые курсы подготовки лаборантов для проверки качества воды проводили научные сотрудники Саратовского НИИ санитарии и гигиены. Также на курсах преподавали специалисты, опытные рабочие Булаевского управления, главные специалисты и начальники отделов треста. Они обучали практически, непосредственно на объекте показывая, как устранить аварию на водопроводе, как правильно организовать работу с жидким хлором, как устанавливать оптимальные режимы работы насосных станций. Для всех двадцати эксплуатационных подразделений треста лаборантские кадры «ковались» только в Булаевском управлении. Все студенты Московского и Джамбульского гидромелиоративных институтов проходили практику по водоснабжению в основном на Булаевском и частично на Ишимском водопроводах. Вся передовая технология по очистке и обработке воды, новая техника и электрооборудование, оборудование связи проходили испытание здесь и здесь же обучали всему новому и передовому специалистов других участков. И все это благодаря профессионализму и организаторскому таланту Василия Ильича Семионенко. При этом требовательном и рачительном хозяине управление всегда имело положительный экономический баланс. Когда всюду не хватало рабочих рук, в Булаевском управлении было всегда в достатке и специалистов, и рабочих. И не только в головном поселке, но и на всех участках.

Вспомнился мне такой случай.

В Петропавловске мы были вынуждены организовать собственное СМУ по строительству жилищных объектов социально-культурного назначения. В период создания и становления новых управлений необходимо чаще их посещать, и однажды, приехав на новую территорию СМУ (в районе Бензострое) я был очень расстроен тем, что вся территория открыта гуссиными тракторами. Все было очень запущено. Я вынужден был пригласить всех руководителей городских подразделений и аппарата треста, и пристыдить начальника СМУ Б. И. Шлоппера. Уже через два месяца на территории царил порядок: она была озеленена, заасфальтирована, установлены ворота и ограждения. В последующем этим СМУ за 16 месяцев в подшефном совхозе «Енбек» (прораб А. Т. Шаяхметов) были построены здание средней школы на 440 мест со спортивным залом и теплицей, а в городе Петропавловске – детский сад «Лалочка» с плавательным бассейном, семейное общежитие на улице Октябрьской, позднее перестроенное под санаторий-профилакторий «Водник», со спортивным залом и бассейном, жилые дома и магазин на Бензострое, ряд других объектов. Это же СМУ построило здание восьмилетней школы в Николаевке Соколовского района в то время, когда это село было подсобным хозяйством нашего треста.

При проектировании и строительстве магистральных водопроводов предусматривались небольшие мастерские для ремонтных работ самих водопроводов и теплые стоянки для обслуживающей и аварийной техники. Теплые гаражи были на всех производственных участках, ведь аварийные бригады и техника должны быть готовыми выехать на линию



и любую погоду и любое время суток. Они были обеспечены всем необходимым, вплоть до раций, что было очень важно, особенно в зимние метели.

В один из своих приездов начальник Главка Э. В. Марков познакомился со всеми управлениями и их базой и сказал, что для эксплуатации водопроводов все необходимое у нас уже есть. А вот у треста «Петропавловскводстрой» (позднее - «Спецводопроводсельстрой») производственной базы нет, поэтому было решено 25 гектаров земли, отведенной под строительство промышленно-производственной базы эксплуатации, отдать под строительство заводов ЖБИ и опытно-экспериментально-механического, автобазы на 500 автомашин для треста «Спецводопроводсельстрой» и УПТК со сварочной базой трубопроводов и ПМК-4. Все вопросы решались оперативно, и в течение четырех-пяти лет все названные объекты были построены. А в последующие годы построили производственно-ремонтную базу УПТК треста «Союзцелинвод», производственные базы областного управления эксплуатации внутрипоселковых сетей во всех 300 поселках нашей области, базы СМУ и ПМК-2 и другие объекты.

Строительство крупных промышленно-производственных баз дало возможность ускорить темпы строительства, улучшить качество и добиться значительного удешевления стоимости объектов.

В первые годы эксплуатации магистральных водопроводов аварий было немного. Рабочее давление до 20 атмосфер пробивало даже мерзлый грунт, и аварии устранялись обычными экскаваторами. Но когда решением Правительства СССР и Минводхоза тресту разрешили эксплуатацию водопроводов

внутри поселков, устранение аварий с массовыми бедой: давление в сети упало до шести атмосфер. Найти место повреждения было нелегко. Для этого создано при тресте специальное конструкторское бюро (СКБ) во главе с главным инженером Ю. Э. Реммихом разработало чертежи и конструкцию специальной машины на базе трактора Т-700. В СКБ работали опытные инженеры И. С. Менюк, К. Н. Баймашев и другие. СКБ проектировывало конструкцию и рабочие чертежи водоразборных колонок, водонапорных башен для различных регионов страны. А коллектив опытно-конструкторского механического завода, руководимый опытным директором В. М. Павловым, успешно освоил выпуск всей техники, водоразборных колонок и водонапорных башен.

Как известно, трест «Союзцелинвод» занимался организацией службы эксплуатации не только в нашей области Казахстана, но был заказчиком по строительству магистральных водопроводов в Краснодарском и Алтайском краях РСФСР, Калмыкии, Туркмении, Азербайджане. Поэтому наш трест заказывал проектно-сметную документацию в Московском институте Союзгипроводхоз, в НИИ Ленинградского Баку, Алма-Аты и Барнаула под объемы ежегодного строительства водопроводов в целом по тресту до 400 километров, а по нашей области – до 200-250 километров. В соответствии с проектно-сметной документацией и планом строительства УИТК треста необходимо было на год раньше заказывать поставку оборудования. Эта номенклатура составляла 14 000 единиц! Всеми этими проблемами на самом высоком качественном уровне десятки лет занимался

УИТК треста «Союзцелинвод» под руководством В. П. Башникова. Имея прекрасное станочное оборудование, УИТК вел ремонт крупных насосных агрегатов, двигателей, задвижек, изготавливал сотни единиц нестандартного оборудования и металлоконструкций. Производственным цехом с большим знанием дела более 20 лет руководил мастер-золотые руки, энтузиаст своего дела Василий Павлович Моложенко, а в последующие годы столь же успешно - Ашим Шарович Ахметов.

Да, в годы работы в тресте «Союзцелинвод» я знал многих великих мастеров своего дела.

Два талантливых инженера, Э. Э. Реммих и Г. П. Горбунов, знали, как в народе говорят, как свои пять пальцев, Булаевский магистральный водопровод. Да не только Булаевский. Первыми *внедренцами* опытных образцов, изобретенных в тресте трубоочистных агрегатов стали инженеры и специалисты Булаевского управления Э. Э. Реммих, Г. П. Горбунов, рабочие А. И. Саутнер, В. В. Селенин.

А Пресновский магистральный групповой водопровод, протяженностью более 3000 километров, был самым крупным среди групповых водопроводов. Его сметная стоимость составляла более 90 миллионов рублей. Он был построен для обеспечения водой более 330 сел Северо-Казахстанской, Кокчетавской, Кустанайской и Курганской областей, имел два водозабора: первый - из реки Ишим у села Елбек Ленинского (Есильского) района, второй - из реки Тобол на территории Курганской области Российской Федерации. Водоводы начали строить от уже действовавшего Южного. Водовод диаметром 500

мм в районе села Кызылжұлдыз Советского района проходил через село Карагаш до совхоза «Гаринский» и стал соединительным для Булаевского Пресновского магистральных водопроводов.

Пуском в работу комплекса головных водозаборных очистных сооружений Пресновского водопровода руководил лично Эдуард Рсммих, чей опыт на этих сложных работах был просто незаменим.

На строительство водозабора на реке Тобол с Мингазпромом была привлечена ПМК треста «Уралгидрострой». Строительство комплекса головных водозаборных сооружений и жилого поселка шло очень быстрыми темпами. Курганские руководители, заинтересованные в ускорении строительства, оказывали постоянную помощь в поставке в большом количестве дефицитных строительных материалов. Они также поручили своим строительным организациям строить жилье, магазины и столовые. Для энергообеспечения этого водозабора и головных сооружений МУ-11 был построен ВЛ-110 Куртамыш - Новоберезово протяженностью 35 километров. Начальником МУ-11 работал в то время бывший главный энергетик треста «Союзцелинвод» Роберт Григорьевич Хлопцев.

А строительство второго комплекса головных водозаборных сооружений затянулось на десятки лет по двум причинам. Во-первых, из-за переноса, по предложению нового начальника Целингидростроя Дорохова, основания плотины от русла реки вправо на 50 метров. Перенос был проведен без согласования с проектировщиками, без детального обследования и, оказалось, что плотину «посадили» на шлы-

щипы: там проходили большие родники. А второй причиной было то, что новая ПМК еще не закончила строительство предыдущего объекта - Имантавской птицефабрики.

Таким образом, в 1980 году темпы строительства плотины головных водозаборных сооружений стройподразделениями Минэнерго СССР и водоводов строителями Миннефтегазстроя СССР по хоздоговору Кокчетавской области стали предметом рассмотрения у первого заместителя председателя Совмина СССР З.Н. Нуриева. На это совещание были приглашены первые заместители руководителей заинтересованных министерств (Минэнерго, Минводхоза, Миннефтегазстроя), начальник нашего Главка В. Олейник, председатель Кокчетавского облисполкома и я.

Обсуждение шло поначалу тихо-мирно. Первые замы министров признали, что их подразделения не выполняют планы, оправдываться и называть какие-то причины не стали, зато назвали сроки исправления положения дел на местах и дату окончания строительства. После этого последовал вопрос, есть ли еще желающие высказаться. Я поднял руку, чем удивил всех присутствующих. Первый заместитель нашего министра Полад-заде даже в лице изменился. Но дело сделано, я встал и сказал, что все хорошо, коль первые заместители министров обещают выполнить задания. Но я не верю заявлению первого зама Министерства энергетики, потому что они неисправимы. Зия Нурисвич Нуриев улыбнулся и спросил: «В какой системе вы работаете?» Я ответил, что являюсь заказчиком системы Минводхоза СССР. Полад-заде посуровел еще боль-

ше. Но большой человек Нуриев не стал меня укорять. Он сказал: «Недавно А. Н. Косыгин (председатель Совета Министров СССР) был в Красноярске и дал высокую оценку работе строителей Братской ГЭС Минэнерго СССР. Давайте мы поверим им еще раз». Но, в конце концов, мы были вынуждены прогнать «Целингидрострой» со стройки головных сооружений Пресновского водопровода. Трест «Спецводопроводсельстрой» создал свою ПМК и благополучно закончил строительство всего комплекса головных водозаборных очистных сооружений мощностью 120 тысяч кубометров в сутки. Это, кстати, может обеспечить водоснабжение населения двух городов подобных нашему Петропавловску.

Первенцем в семействе магистральных групповых водопроводов является Ишимское управление. Головной водозабор расположен на крутом левом, сказочно красивом скалистом берегу реки Ишим у села Октябрьского Сергеевского района. Строительство Ишимского водопровода начато в 1961 году. Тогда же была создана и его дирекция.

Строительство ряда крупных магистральных водопроводов – подземных стальных рек в нашей республике было начато в соответствии с решением ЦК КПСС и Совета Министров СССР №74 от 20 ноября 1961 года.

Эти серьезные решения были приняты в связи с тем, что с освоением целинных земель строительство населенных пунктов шло быстрыми темпами, а подземных источников пресной воды не было. Небольшие озера, из которых в первые целинные годы люди брали питьевую воду, в летнее время пересыхали. Воду завозили железнодорожными цис-

тернами, но ее не хватало даже населению, не то, что развивающемуся животноводству. По совету ученых и практиков и было принято решение транспортировать воду водопроводами из надежных источников и рек Ишим, Тобол, Иртыш.

И строить водопроводы надо было срочно, пока целинники из-за отсутствия воды не уехали назад.

Своя история у Есильского управления. Впервые в Северном Казахстане появился поселок Есиль, и управление получило название Есильское. Однажды меня с укоризной спросил один из секретарей обкома партии: «Что это ты придумал какос-то новос слово «Есиль»?» Я объяснил, что это казахское название реки Ишим. Он, кажется, понял и возмущаться перестал.

На строительстве этого сложнейшего плотинного водозабора, как говорится, с первого колышка до сдачи в эксплуатацию трудился Каиржан Кашкеневи́ч Калитов. Он пришел на стройку молодым специалистом, начинал мастером, а вырос до главного инженера и начальника стройки. Несколько лет работал главным инженером Есильского управления эксплуатации, а затем как опытный специалист был назначен начальником Булаевского управления.

А первым начальником Есильского управления был Марат Мысалович Макишев, вместе с Калитовым внесший большой вклад в становление этого управления.

Свою особую историю имеет создание в 1971 году в Темрюкском районе Краснодарского края Таманского управления эксплуатации – Таманского магистрального группового водопровода. На Таманском полуострове было построено более пятнадцати круп-

ных совхозов, основным производством которых было виноградарство и виноделие. Это были крупные поселки, иные с числом жителей до 12 000 человек. Почти все хозяйства Тамани были вновь построены, однако питьевой воды здесь не было. В основном люди собирали дождевую воду в специально построенные железобетонные резервуары. Кстати, все эти совхозы принадлежали системе Росглаввино «Абрау Дюрсо». Эта старейшая фирма заказала проект строительства крупного магистрального группового водопровода для всех своих совхозов. Источником водозабора был один из притоков реки Кубань, называемый в тех краях «срик».

Строительство было поручено Мингазпрому СССР, построившему все согласно проекту, а пусконаладочными работами должен был заниматься сам заказчик - «Абрау Дюрсо». Но у заказчика не было ни опыта, ни специалистов для пуска в работу такого крупного водопровода, и руководство Краснодарского края обратилось к нашему министру Е. Е. Алексеевскому, который поручил это тресту «Союзцелинвод».

Надо было создать управление и организовать на должном уровне эксплуатацию нового водопровода. Мне пришлось искать опытного руководителя, который бы сумел, в свою очередь, подобрать специалистов и наладить эксплуатацию. Отправил было пару человек, но, как оказалось, их просто прельстил этот благодатный край, а не сама работа – важная и ответственная. И по совету наших специалистов я стал искать бывшего начальника Ишимского управления Геннадия Лаврентьевича Шестибрата, который когда-то «не сошелся характерами», как тогда



говорили, с бывшим замом управления этого треста и уехал в Челябинск. Я уговорил Шестибрата съездить на Тамань, посмотреть. И он согласился. В течение нескольких месяцев Геннадий Лаврентьевич сумел укомплектовать специалистами Таманское управление. Через четыре месяца Таманский водопровод заработал, и жители полуострова и вицзаводы получили питьевую воду хорошего качества. Мне приходилось несколько раз бывать в Краснодарском крайкоме КПСС, крайисполкоме, с искренней заинтересованностью относившимся к нашим просьбам. Г. Л. Шестибрату в течение месяца выделили трехкомнатную благоустроенную квартиру в г. Темрюк. А вскоре, при содействии краевых властей, в поселке Старотаторовка для службы эксплуатации был построен поселок с благоустроенным жильем, детским садом и магазином.

## БЫЛ ТАКОЙ КУРЬЕЗНЫЙ СЛУЧАЙ

Один деловой человек из местных, когда уже появилась чистая вода, возил ее на водовозе и продавал населению по 1 рублю за ведро. Люди еще не знали, что Таманский водопровод уже заработал и теперь уже один кубометр (1000 литров) стоит ... 13 копеек!

Интересным был там метод строительства внутрипоселковых сетей. Строители привозили трубы и показывали жителям, как надо копать и вводить водовод в дом. У них-то земля не промерзает, как у нас, поэтому жители на самом деле справлялись сами,

закапывая трубы в землю вручную. Так появилась долгожданная вода в каждом доме.

При проектировании этого водопровода проектировщиками была допущена ошибка. На первом подъем вода поступала очень грязная (реки-то там быстрые, не то что наши, тихие степные) и для очистки, отстаивания грязи на очистных сооружениях требовался чуть ли не вагон коагулянта (сернокислого алюминия) на неделю. Все работники управления были заняты разгрузкой этого вредного вещества вручную. Г. И. Шестибрат обратился ко мне с вопросом: как быть? Действительно, разгрузка вагонов, перевозка и загрузка коагулянта в большом количестве была вредной и тяжелой, однако решение проблемы оказалось несложным. Я предложил перед первым подъемом провести отвод от реки до водозабора и там делать предварительный отстой. Служба эксплуатации своими силами построила отстойники, и вопрос был решен.

Да! Когда ездил по трассе Таманского водопровода, все время дорога шла вдоль виноградников. Там были такие бесконечные виноградники, как у нас - хлебные поля безбрежные. У каждого совхоза - свой винзавод. Местных людей в шутку называли жителями трех морей: Черного, Азовского и... Винного.

Но не было нормальной питьевой воды и в старинном городе Ейске, расположенном в Краснодарском крае на берегу Азовского моря. По просьбе руководства края тресту «Союзцелинвод» пришлось создать службу заказчика Ейского водопровода, и уже в 1972 году началось его строительство.

В 1975 году я поехал в Ейск. Первым объектом нашего посещения стал музей Поддубного, и я ви-

дел там его знаменитую трость. Были мы на единственном в Советском Союзе Ейском заводе аттракционов. По моей просьбе они отгрузили колесо обозрения («чертово колесо») в Петропавловск, для пионерского лагеря «Балдырган», карусели и аттракционы для жилых поселков наших водопроводов и для того же пионерлагеря «Балдырган».

В 1977 году на базе Таманского и Ейского управления водопроводов треста «Союзцелинвод» в Краснодарском крае был создан аналогичный трест «Южводопровод». Руководить этим трестом направили Николая Федоровича Кряжевских. В тот благодатный теплый край из нашего треста уехало еще с десятков специалистов. В их числе П. Г. Сокол, Д. Н. Черобедов, Ю. Тетюцких, П. М. Чуб и еще несколько работников треста «Спецводопроводсельстрой».

Необычна и история Ики-Бурульского магистрального водопровода в Калмыкии. Когда мы, союзцелинводовцы, приехали в Калмыкию, в ее столице Элисте было всего около 25 тысяч жителей, а город практически не имел пресной воды. Вода, которой снабжалась Элиста, имела солоноватый привкус, и, чтобы пить ее, нужно было к ней привыкнуть. Но даже и этой воды не было в достатке: она подавалась по графику два раза в неделю. Руководил парторганизацией Калмыкской Автономии Бисмак Бадмосвич Городовиков, родственник знаменитого генерала Оки Городовикова. На центральной городской площади были выставлены портреты почетных граждан столицы. Первым был портрет Семена Буденного, вторым – Оки Городовикова, а за ними – других Героев Советского Союза и заслуженных

людей Калмыкии.

Правительство Калмыкии добилось строительства водопровода для своей столицы. Водопровод проходил от поселка Южного через районный центр Ики-Буруль до Элисты. Таким образом, он мог обеспечить водой не только столицу, но и крупные сельские районы. Кроме того, по техническим условиям «Ставрополэнерго» к этому водопроводу было «привязано» строительство крупной линии электропередачи ЛЭП-110 с двумя крупными подстанциями в поселках Южном и Ики-Буруль. До нас заказчиком выступало республиканское Министерство коммунального хозяйства - маленькое министерство со штатом в семь человек, размещавшееся в трехкомнатной квартире одноэтажного дома. (Зато министр был депутатом Верховного совета Калмыкии и, приезжая в Москву, мог разместиться в любой гостинице столицы. А у нас такой возможности не было.)

Когда трест «Союзцелинвод» принял от Минкомхоза Калмыкии функции заказчика, у них обнаружилась недостача оборудования на 3 миллиона рублей. Оборудование под монтаж объектов водопровода, насосных станций и крупных электроподстанций было полностью разукомплектовано и ржавело под открытым небом. Так как начальник Главка Марков уже принял строительный трест Калмыкии и функции заказчика, мне не разрешили подать в суд на виновных в недостаче и порче оборудования. Впоследствии вновь назначенный начальник Ики-Бурульского водопровода Рашид Ибрагимович Тынчаров, направленный из Петропавловска, заключил индивидуальный договор с электромонтажниками-волгоградцами, которые вели монтаж подстанций, и те

вместе с Тынчаровым привозили недостающие части электрооборудования из Волгограда. Так головные очистные сооружения были подготовлены к пуско-наладочным работам.

Для монтажа насосного оборудования и других монтажных работ мы направили туда группы специалистов во главе с Виктором Сергеевичем Горковским, Виктором Васильевичем Бапниковым и Амантаем Бисембаевым, которые полностью закончили монтаж и пуско-наладочные работы. К этому времени Р. И. Тынчаров из близлежащих поселков Ставропольского края набрал людей и обучил их новым специальностям. А лаборантов и хлораторщиков готовили, как всегда, в Булаевском управлении.

Строительство водопроводов курировал заместитель председателя Совета Министров Калмыкии Бабаев. Он очень хорошо владел казахским языком. Во время переселения калмыков Бабаев попал в казахский аул в Омской области и выучил наш язык. Окончил в Омске машиностроительный институт и работал на заводе в Новосибирске. Был женат на русской женщине. Когда вновь создали автономию в Калмыкии, всех калмыков-специалистов пригласили работать на родину. Бабаев был назначен главным инженером автосборочного завода в Каспийске, потом его директором, а затем заместителем председателя Совета Министров Калмыкии. Он с большой радостью встречался с нами и с удовольствием говорил на казахском языке.

В то время были большие проблемы с бензином, и Бабаев помогал нам в этом вопросе безотлагательно. Он помогал нам, водникам, во всем. К нашему большому сожалению, через несколько лет, уже пос-

ле нашего отъезда из Калмыкии, он скончался от инфаркта.

Я вспоминаю те годы с особой теплотой. Мы были очень дружны и всегда помогали друг другу во всем. Может, несколько повторюсь, рассказывая о создании Петропавловского управления эксплуатации водопроводов в 1977 году.

К тому времени в нашей области был создан трест «Спецводопроводсельстрой», который успешно вело строительство внутрипоселковых сетей с вводом водоводов во все животноводческие фермы и социально-бытовые объекты. Этот комплекс представлял собой сложные инженерно-технические сооружения, для эксплуатации которых совхозам надо было иметь подготовленных специалистов, спецтехнику. Естественно, каждый совхоз не мог этого иметь, в первую очередь, потому что было накладно для экономики, а во-вторых, их просто не было. Такую службу могли создать только 2-3 хозяйства в области (например, совхоз «Советский» (директор О. М. Паль)).

В общем, уже построенные дорогостоящие инженерные сети не эксплуатировались, не приносили ожидаемого экономического эффекта и постепенно разрушались. Руководители хозяйств и районов обращались за помощью в обком, облисполком. И по просьбе руководства областей ЦК КП Казахстана, Совмин республики приняли решение поручить их эксплуатацию тресту «Союзцелинвод». Однако трест не имел права самостоятельно решать вопросы создания службы эксплуатации. Они решались на уровне Минводхоза и регистрацией в Госплане СССР, так как под эти службы необходимо было выделять

работников, фонды заработной платы и соответствующую финансовую поддержку. Коммунальные водопроводы были всегда убыточными. Только на организацию такой службы, создание базы в 12 районах, оснащение механизмами требовалось по расчетам 18 миллионов рублей.

По вопросу создания службы эксплуатации внутрипоселковых сетей в области первый секретарь обкома партии В. П. Демиденко (и по проблемам других крупных заводов) выехал в Москву. Министр водного хозяйства решение вопроса поручил своему первому заместителю П. А. Полад-заде. В Главках министерства в течение недели размышляли, как издать приказ, чтобы работу республики «дотянуть» до Всесоюзного уровня. Нашелся один наш земляк из Казахстана, из Главного планово-экономического управления, который подсказал, что это можно написать в порядке эксперимента. Так вышел приказ Минводхоза СССР о создании в составе треста «Союзцелинвод» *в порядке эксперимента* Петропавловское управление эксплуатации внутрипоселковых сетей.

Чтобы вновь созданное управление работало эффективно, надо было создать во всех районных центрах эксплуатационные участки с соответствующими производственными базами, теплыми боксами для техники и так далее. Согласно приказу министра, для достижения этих целей были выделены капиталовложения, машины и механизмы. Новое Петропавловское управление сделало для усовершенствования службы эксплуатации внутрипоселковых сетей очень многое. Если тяжелая техника сосредотачивалась на районной базе, то в каждом совхозе были созданы бригады для обслуживания водонапорных башен, водоразборных колонок, ре-

зервуаров суточного запаса воды. В течение года многие бригады накопили хороший опыт. Были проведены семинары. В каждом поселке на улицах действовали ухоженные и пронумерованные водоразборные колонки. Рационализаторы треста создали небольшие паровые устройства, которые в течение 10 минут могли оттаивать замерзшие колонки, усовершенствовали их конструкции.

В то же время на территории Курганской области в сотнях поселков бездействовали тысячи километров, таких же, как в нашей области, сетей, а совхозы были вынуждены развозить воду по деревням на тракторах и автомашинах. Естественно, экономического эффекта от магистральных водопроводов не было. Руководители Курганской области обратились в трест «Союзцелинвод» с просьбой о помощи в создании аналогичной службы. И специалисты треста подготовили необходимые расчеты, проекты и письма в Москву. Так, в 1986 году в составе треста «Союзцелинвод» было создано Курганское областное управление эксплуатации водопроводов. Первым начальником этого управления был назначен начальник отдела Пресновского управления Боташ Шакжанович Хайнетов. Новое управление стало обслуживать водопроводы в десяти районах Курганской области.

В 1971 году в Петропавловске был создан ОРС – отдел рабочего снабжения треста «Союзцелинвод». Это было связано с двумя основными обстоятельствами. Рабочие поселки при головных водозаборных сооружениях строились на берегу реки, где был водозабор, то есть вдали от существующих поселков. Поэтому действовавшая тогда система потребительских союзов неохотно соглашалась обслуживать эти маленькие поселки: товарооборот невелик, а лю-



пот много. А во-вторых, тогда был дефицит многих товаров (автомобилей, холодильников, ковров), которыми никто не хотел делиться. Ну, а наши рабочие требовали свою долю дефицита. Пришлось заняться созданием ОРСа. ОРС треста в г. Петропавловске имел прекрасную производственную базу: склады товаров, овощехранилища, теплые гаражи, собственную теплицу площадью 600 кв. метров. Филиалы ОРСа были созданы в Целинограде, Аркалыке, Кустанае, Кургане и поселке Кайманачиха Павлодарской области, при тресте «Спецводопроводсельстрой». Магазины ОРСа были практически во всех РЭУ (ремонтно-эксплуатационных участках), а в крупных поселках открывались большие магазины и столовые. Большое развитие ОРС получил за длительное время руководства Р. Е. Рязанцевой, К. А. Абдулова.

Беловодское управление создано в 1972 году в поселке Кайманачиха Иртышского района Павлодарской области, общей протяженностью 2187 километров, из которых 500 километров располагались на территории Русско-Полянского, Варшавского районов Омской области, 334 километра - по территории Павлодарской, остальные 1353 километра - по территории Кызылтуского, Валихановского, Ленинградского, Чкаловского и Красноармейского районов Кокчетавской области.

Основным подрядчиком был Спецводопроводсельстрой, заказчиком - трест «Союзцелинвод». Трестом был построен самый сложный комплекс головных водозаборных очистных сооружений на реке Иртыш в п. Кайманачиха. Очень сложными оказались работы по укреплению берега у водозабора, насосной станции первого подъема. Однако эти самые сложные гидротехнические работы были успешно и технически грамотно решены строителями треста «Спецводопроводсельстрой» во главе с управ-

ляющим Василием Николаевичем Гетьмановичем. Магистральные водоводы были построены на территории Павлодарской, Омской областей и доведены до районного центра Кишкенсколь Кызылтуского района. Этот поселок получил сначала воду из реки Ишим по соединительному водоводу от Будавского водопровода, а потом Иртышскую воду по генеральному проекту Беловодского водопровода. (На стадии строительства незаконченный комплекс очистных сооружений и водоводы на территории Кокчетавской области по настоянию областного руководства были переданы на достроительство Главному «Главриссовхозстрой». К сожалению, это строительство полученных объектов не закончили госкомиссии не представил, и Беловодский групповой водопровод, видимо, в той стадии будет разрушен до конца).

Туркменское управление магистральных водопроводов создано в 1975 году в Ашхабаде, для организации эксплуатации крупных пастбищных водопроводов диаметром 1000 мм. Туркменское управление было создано также для исполнения функции заказчика подготовки проектно-сметной документации и финансирования строящихся объектов. При приемке строящихся объектов у местных республиканских объектов не хватило 400 электростанций ЖЭС-60. Как потом разобрались специалисты треста (начальник ОКСа Фаина Закировна Мирзянова), эти электростанции были установлены на объектах пастбищ совхозов, колхозов, но не были в свое время переданы по акту на баланс вместе с объектами. Специалисты треста разобрались, все потерянное нашли, и инцидент был исчерпан. Руководители хозяйств, руководители и специалисты Министерства водного хозяйства Туркмении были благодарны инженерам треста «Союзцелинвод» за оказанную помощь.

## ВМЕСТО ЭПИЛОГА

*Каттай Бектасович Кеншинбаев умер 16 мая 2001 года.*

*Его рукопись оборвалась на полуслове...*

*Что хотел еще сказать нам этот доброй души красивый человек? Его книга автобиографична, но это книга не о нем одном: Каттай Бектасович спешил поведать не столько о себе, сколько о современной ему эпохе и о людях, которые вместе с ним творили поистине эпохальные дела. Его книга -- это честный рассказ о том, как мы жили совсем недавно и так давно -- в другое время, означенное ироничными историками как «советский период» с десятилетиями «застоя». Только ведь и в то время жизнь кипела и бурлила, и тысячи людей каждый день творили маленькие чудеса и большие трудовые подвиги.*

*То было время скромных людей. Поверьте, читатель, многочисленные местоимения «я», «мне» и «меня» вставила в авторский текст я: в рукописи личные местоимения практически отсутствовали. Скромным человеком был Каттай Бектасович Кеншинбаев. Таким, как мой отец и моя мать, как ваш отец и ваша мать, как вы сами, дорогой современник.*

*Как получилось, что о своей рукописи он не рассказал даже самым близким? Мы пытались разгадать эту загадку вместе с его замечательной женой Раушан Жунусовной Шукеновой. Может быть, он хотел, чтобы это стало прощальным приветом от него, любящего и любимого?*

*Это была его тайна. Это перестало быть тайной.*

*Его могила - у самого входа на кладбище вблизи Бишкүля. Но память о нем -- в его делах. И в этой книге.*

*Светлая память, Каттай Бектасович. Светлая память...*

**С любовью к вам Ак-Лайлек Жаукина.**

# С ЛЮБОВЬЮ

## И БЛАГОДАРНОСТЬЮ

*Эта книга увидела свет благодаря личным вкладам людей со светлой душой и благодарной памятью:*

*АХМЕТОВА Жасулана Бауржановича, директора ТОО «Фондовый Центр»,*

*АНАСОВА Темиртаса Анасовича, начальника Ишимского управления групповых водопроводов,*

*ВОРОНОВА Александра Михайловича, директора ТОО «Перспектива»,*

*ГРАССА Александра Владимировича, индивидуального предпринимателя,*

*ЖАИТЛЕУОВА Мурата Кошановича, заместителя директора РГП «Есил су»,*

*ИСКАКОВА Марата Хабибулловича, директора ТОО «Туган Жер»,*

*КАЛИТОВА Каиржана Кашкеновича, начальника Булаевского группового водопровода,*

*УТЕГЕНОВА Берика Рахимовича, директора ТОО «СБИ-Агро»,*

*ШАЙХУДИНОВА Амантая Сайрановича, заместителя директора РГП «Есил су».*

*Низкий поклон вам, дорогие мои, за ваши чуткие сердца. Пусть хранит вас Всевышний во всех добрых делах. Будьте счастливы и благополучны!*

**С искренним уважением  
Шукенова Раушан Жунусовна.**